

К.Г. Юнг

НЕРАСКРЫТАЯ САМОСТЬ

(настоящее и будущее)

1. Незавидное положение индивида в современном обществе

Что принесет с собой будущее? С незапамятных времен этот вопрос занимал человека, хотя и не всегда в одинаковой степени. История свидетельствует, что человек тревогой и надеждой обращает свой взгляд в будущее во времена физических, политических, экономических и духовных потрясений, когда рождается множество надежд, утопических идей и апокалиптических видений. Вспоминаются, например, хилиастические ожидания современников императора Августа на заре христианской эры или духовные перемены на Западе, сопровождавшие конец первого тысячелетия от Рождества Христова. В наше время, когда близится к концу второе тысячелетие, мы снова живем в мире, переполненном апокалиптическими образами всеобщего уничтожения. Какое значение имеет деление человечества на два лагеря, символом которого является "Железный Занавес"? Что станет с нашей цивилизацией с самим человечеством, если начнут взрываться водородные бомбы или если духовная и нравственная тьма государственного абсолютизма поглотит всю Европу?

У нас нет никаких оснований считать возможность такого исхода маловероятной. В любой стране Запада существуют небольшие группы подрывных элементов, которые, используя нашу гуманность и стремление к правосудию, держат наготове спичку у бикфордова шнура, и остановить распространение их идей может только критический разум отдельного, в высшей степени развитого и умственно стабильного слоя населения. Не следует переоценивать "толщину" этого слоя. В каждой стране она разная, в зависимости от национального темперамента населения. Кроме того, "толщина" этого слоя зависит от уровня образования в данной конкретной стране и от чрезвычайных факторов экономического и политического характера. Если в качестве критерия использовать плебисцит, то по самым оптимистическим оценкам "толщина" этого слоя составит сорок процентов от общего числа избирателей. Но и более пессимистическая оценка будет вполне оправданной, поскольку удар здравого смысла и критического мышления не принадлежит к наиболее характерным отличительным особенностям человека, и даже там, где он действительно имеет место, он не является постоянным неколебимым, и, как правило, слабеет по мере разрастания политических групп. Масса подавляет проницательность и думчивость, на которые еще способна отдельно взятая личность, и неизбежно приводит к доктринерской и авторитарной тирании, стоит только конституционному государству дать слабину.

Использование рациональных аргументов может иметь шансы на успех только в том случае, если эмоциональность данной конкретной ситуации не превышает определенного критического уровня. Если накал страстей поднимается выше критического уровня, то исчезает всякая возможность того, что слово разума возымеет действие, и на смену ему приходят лозунги и иллюзорные желания-фантазии. То есть наступает своеобразное коллективное безумие, которое быстро превращается в психическую эпидемию. В таких условиях на самый верх поднимаются те элементы, которые в эпоху управления разумом считаются асоциальными и существование которых общество лишь терпит. Такие индивиды ни в коей мере не являются редкими необычными экземплярами, которых можно встретить лишь в тюрьме или психиатрической больнице. По моим оценкам, на каждого явного сумасшедшего приходится, как минимум, десять скрытых, безумие которых редко проявляется в открытой форме, авзгляды и поведение, при всей внешней нормальности, незаметно для их сознания подвергаются воздействию патологических и извращенных факторов. По вполне понятным причинам, не существует такой медицинской статистики скрытых

психозов. Но даже если их число будет чуть менее, чем в десять раз, превышать число явных психопатов и преступников, их небольшое относительно общей массы населения количество с лихвой компенсируется крайней опасностью этих людей. Их мстительное состояние сродни состоянию группы, пребывающей в коллективном возбуждении, и подчиняется пристрастным оценкам и желаниям-фантазиям. Когда такие люди находят-ся в своей среде, они приспособляются друг к другу и, соответственно, чувствуют себя, как дома. На своем личном опыте они познали "язык" ситуаций такого рода и знают, как ими управлять. Их идеи-химеры, подпитываемые фанатичным возмущением, вызывают к коллективной иррациональности и находят в ней плодородную почву; они выражают все те мотивы и все тонкое недовольство, которые у более нормальных людей скрыты под покровом благора-зумия и проницательности. А потому, несмотря на их малое в процентном отношении количество, они представляют собой как источники заразы большую опасность, именно потому, что так называемый нормальный человек обладает только ограниченным уровнем самопознания.

Большинство людей путает "самопознание" с сознанием своей осознаваемой эго-личности. Любой человек, у которого имеется хоть какое-то эго-сознание, не сомневается в том, что он знает самого себя. Но эго знает только свое содержимое, и не знает бессознательного и его со-держимого. Люди определяют свое самопознание мерой знания о себе среднего человека из их социального окружения, но не реальными психическими фактами, которые, по большей части, скрыты от них. В этом смысле психе подобна телу, о физиологии и анатомии которого средний человек тоже мало что знает. Хотя рядовой человек и живет в теле и с телом, но большая его часть ему совершенно неизвестна, и для ознакомления сознания с тем, что известно о теле, требуется специальное научное знание. Я уже не говорю о том, что "не известно" о теле, но что, тем не менее, существует.

Значит, что принято называть "самопознанием", на деле является очень ограниченным знанием, большая часть которого зависит от социальных факторов, от того, что происходит в человеческой психе. Поэтому-то у человека всегда возникает предубеждение, что определенные вещи происходят не "с нами", не "в нашей семье" или не с нашими друзьями и знакомыми. С другой стороны, у человека возникает не менее иллюзорное убеждение насчет наличия у него определенных качеств, и эта убежденность лишь скрывает истинное положение вещей.

В этой широкой зоне бессознательного, которая над-ежно защищена от критики и контроля сознания, мы совершенно беззащитны, открыты всем видам психического воздействия и психическим инфекциям. Как и при опасности любого другого типа, мы можем предотвратить риск психической инфекции только в том случае, если будем знать, что именно будет атаковать нас, а также, где, когда и каким образом произойдет нападение. Поскольку самопознание - это вопрос знания конкретных фактов, то теория здесь вряд ли может помочь. Ибо, чем больше теория претендует на свою универсальную истинность, тем меньше она способна послужить основанием для правильной оценки отдельных конкретных фактов. Любая основанная на житейском опыте теория неизбежно является статистической; она выводит идеальную среднюю величину и отвергает все исключения по обоим краям шкалы, заменяя их абстрактным смыслом. Эта теория вполне истинна, только в жизни дела идут не всегда в соответствии с ней. Несмотря на это, абстрактный смысл теории фигурирует в качестве незыблемого фундаментального факта. Любые исключения - крайности, хоть и являются не менее реальными, в теорию вообще не включаются, потому что опровергают друг друга. Например, если я вычислю вес каждого камушка на покрытом галькой пляже и получу средний вес в пять унций, то эта цифра мало что сможет мне сказать о реальной природе гальки. Любого, кто на основании моих изысканий решит, что сможет с первой попытки подобрать камешек весом в пять унций, ждет серьезное разочарование. И в самом деле, может так случиться, что и после долгих часов поисков он так и не найдет камушка весом точно в пять унций.

Статистический метод показывает нам факты в свете идеальной средней величины, но

не дает нам представления об их эмпирической реальности. Несмотря на то, что средняя величина, вне всякого сомнения, отражает определенный аспект реальности, она может самым коварным образом фальсифицировать истину. Это прежде всего относится к теориям, основанным на статистике. Между тем, отличительной чертой факта является его индивидуальность. Грубо говоря, реальная картина состоит только из исключений из правила и, соответственно, в абсолютной реальности полностью господствует неправильность.

Об этом следует вспоминать каждый раз, когда речь заходит о том, что теория может быть проводником на пути самопознания. Не существует и не может существовать никакого самопознания, основанного на теоретических предположениях, поскольку объектом этого познания является индивид - относительное исключение и феномен "неправильности". А потому, характерные черты индивида являются не универсальными и правильными, а, скорее, уникальными. Его следует воспринимать не как стандартную единицу, а как нечто уникальное и единственное в своем роде, что, в принципе, нельзя познать до конца и нельзя сравнить с чем-нибудь еще. В то же самое время, человек, как представитель рода человеческого, может и должен быть описан, как статистическая единица; в противном случае о нем нельзя будет сказать ничего общего. Для решения этой задачи его следует рассматривать как единицу сравнения. Результатом этого являются универсально правильные антропология и психология с абстрактной фигурой человека.

Под воздействием научных предположений не только психе, но и индивидуальный человек даже индивидуальные события становятся жертвами "уравниловки" и "стирания различий", которые искажают картину реальности, превращая ее в концептуальную среднюю величину. Мы не должны недооценивать психологическое воздействие статистической картины мира: она отвергает индивида, заменяя его безликими единицами, которые собирает в массовые формации. Вместо конкретного индивида мы имеем названия организаций и, как кульминацию, абстрактную идею Государства, как принципа политической реальности. При этом нравственная ответственность индивида неизбежно заменяется государственными интересами *raison d'etat* (Государственная необходимость, благо государства (фр.) - Прим. ред.). Вместо нравственной и умственной дифференциации индивидов мы имеем благосостояние общества и повышение жизненного уровня. Цель и смысл индивидуальной жизни (которая является единственной реальной жизнью) заключается уже не в индивидуальном развитии, а в политике Государства, которая навязывается индивиду извне и состоит в претворении в жизнь абстрактной идеи, которая имеет тенденцию притягивать к себе всю жизнь. Индивиды все больше лишают права на принятие нравственного решения о том, как ему следует прожить его же собственную жизнь. Его кормят, одевают, обучают и дисциплинируют, как единицу общества, его селят в соответствующую единицу жилья и доставляют ему удовольствие и удовлетворение в той форме, в какой их воспринимает толпа. Правители, в свою очередь, являются такими же единицами общества, как и подданные, и отличаются от последних только тем, что представляют собой рупор государственной доктрины. Им совсем не обязательно обладать здравым смыслом, они могут просто быть хорошими специалистами, совершенно бесполезными вне области их специализации. Государственная политика определяет, что следует преподавать и что следует учить.

Самая всемогущая доктрина Государства отчасти становится жертвой манипулирующих в интересах государства людей, занимающих в правительстве самые высокие посты и сосредоточивших в своих руках всю власть. Любой человек, попавший, то ли путем честных выборов, то ли по прихоти судьбы, на один из таких постов, больше уже никому не подчиняется; он сам является "политикой государства" и может следовать в определенном им самим направлении. Вслед за Людовиком XIV он может сказать: "Государство - это я". Стало быть, он является единственным или, по крайней мере, одним из тех очень немногих индивидов, которые могли бы использовать свою индивидуальность, если бы только знали, как отделить себя от доктрины Государства. Однако, они, как правило, являются рабами своих собственных измышлений. Подобная односторонность всегда психологически ком-

пенсруется бессознательными подрывными тенденциями. Рабство и бунт неотделимы друг от друга. В результате борьба за власть и крайняя подозрительность пронизывают весь организм от верхушки до самого низа. Более того, стремясь компенсировать свою хаотическую бесформенность, масса всегда порождает "вождя", который, как учит нас история, неизбежно становится жертвой своего же непомерно раздутого эго-сознания.

Такое развитие событий становится логически неизбежным в тот момент, когда индивид соединяется с массой и перестает быть индивидом. Помимо агломерации огромных масс, в которых индивид растворяется в любом случае, одной из главных причин психологического массового сознания является научный рационализм, который лишает личность основ ее индивидуальности и ее достоинства. Как социальная единица, личность утрачивает свою индивидуальность и становится простой абстрактной статистической величиной. Она может играть только роль легко заменяемой и совершенно незначительной "детали". Если на нее смотреть со стороны и рационально, то именно этим она и является, и с этой точки зрения совершенно абсурдными будут рассуждения о ценности или значении индивида. И в самом деле, вряд ли можно себе представить, как у человека может быть индивидуальная достойная жизнь, если истинность прямо противоположного утверждения ясна, как божий день.

Если посмотреть на индивида с этой точки зрения, то его значение действительно уменьшается, и любой, кто захочет оспорить это положение, быстро обнаружит нехватку аргументов. Тот факт, что индивид ощущает себя самого или членом своей семьи, или близких друзей значительными личностями, только подчеркивает несколько комичную субъективность его ощущений. Ибо, что значат несколько людей по сравнению с десятью тысячами или сотней тысяч, не говоря уже о миллионе? Мне вспоминается глубоко мысленное высказывание одного моего приятеля, с которым мы застряли в огромной толпе. Он тогда неожиданно воскликнул: "Вот тебе самое надежное основание для неверия в бессмертие: вся эта куча народу хочет быть бессмертной!"

Чем больше толпа, тем ничтожнее индивид. Если индивид переполнит ощущение собственной незначительности и бессилия, и он почувствует, что его жизнь утратила смысл - который, в конце концов, не тождественен благосостоянию общества и высокому уровню жизни - значит он уже близок к тому, чтобы стать рабом Государства и, сам того не желая и неподозревая, его горячим приверженцем. Человеку, взгляд которого обращен только во внешний мир, и который съеживается при виде "больших батальонов", нечего противопоставить той информации, которую ему сообщают его органы чувств и его разум. Именно это сейчас и происходит: мы все заморожено преклоняемся перед статистическими истинами и большими числами; нам ежедневно сообщают о ничтожности и тщетности индивидуальной личности, если она не представлена и не персонифицирована какой-либо массовой организацией. И наоборот, те персонажи, которые с важным видом расхаживают по мировой сцене и голоса которых доносятся до всех и каждого, некритически мыслящей публике представляются вознесенными наверх на волне какого-нибудь массового движения или общественного мнения. Поэтому толпа либо аплодирует им, либо проклинает. Поскольку здесь доминирующую роль играет массовое мышление, то нетуверенности в том, выражают ли эти людские мнения, за которые они несут персональную ответственность, или же они являются всего лишь рупором, выражающим мнение коллектива.

В таких условиях вряд ли можно удивляться тому, что индивиду все труднее сформировать мнение о самом себе, и что ответственность стала максимально коллективной, то есть индивид снял ее с себя и делегировал коллективу. Таким образом, индивид все больше и больше становится функцией общества, которое, в свою очередь, узурпирует функции носителя реальной жизни, хотя, на самом деле, общество есть нечто иное, как абстрактная идея, вроде идеи Государства. Обе эти идеи овеществлены и стали автономными. Государство, в особенности, стало полудоушевленным существом, от которого все всего ждут. На самом же деле, оно - это всего лишь камуфляж для тех индивидов, которые знают,

как им манипулировать. Так что конституционное Государство сползает в примитивную форму общества - форму коммунизма первобытного племени, где каждый является субъектом автократического правления вождя или олигархии.

2. Религия, как противовес массовому сознанию

Чтобы дать полную волю этой "фикции" суверенного Государства - иными словами, прихотям манипулирующих ею вождей - все социополитические течения, движущиеся в этом направлении, неизменно пытаются выбить почву из под ног религии. Ибо, чтобы превратить индивида в "клеточку" Государства, необходимо сделать так, чтобы он полагался только на государство и ни на что другое. Смысл религии заключается в том, что человек полагается на иррациональные факты и подчиняется им. Эти факты не относятся впрямую к социальным и физическим условиям; в гораздо большей степени они касаются психической позиции индивида.

Нельзя занять какую-либо позицию по отношению к внешним условиям можно только в том случае, если за пределами этих условий существует некая контрольная точка. Религия предоставляет (или претендует на это) такую точку, тем самым давая индивиду возможность высказывать суждение и принимать решение. Она создает резерв против реальной и неотвратимой силы обстоятельств, перед которой беззащитен любой человек, живущий только во внешнем мире и не имеющий никакой другой "почвы" под ногами, кроме тротуара. Если кроме статистической реальности не существует никакой другой, то тогда сила, авторитет, власть тоже существуют в единственном числе. Значит существует только одно условие, а раз никакого противоположного условия нет, то суждение и решение являются не только излишними, но и невозможными. Тогда индивид просто не может не стать статистической единицей, значит, "клеточкой" Государства или любого другого абстрактного принципа порядка.

Однако, религия говорит о существовании силы, авторитета, власти, противостоящих аналогичным "мирским" вещам. Доктрина зависимости индивида от Бога предъявляет к нему такие же претензии, как и "мирская" доктрина. Бывает итакое, что абсолютность этих притязаний отчуждает человека от мира точно также, как индивид отчуждается от самого себя, когда поддается коллективному мышлению. Как в первом, так и во втором случае, он может лишиться своей способности высказывать суждение и принимать решение. Религия откровенно стремится к этой цели, если только не приходит к компромиссу с Государством. Если такой компромисс имеет место, то я предпочитаю называть ее уже не "религией", а "вероисповеданием". Убеждения являются выражением определенной коллективной веры, в то время, как слово "религия" выражает субъективную связь с определенными метафизическими, внеземными факторами. Убеждения являются символом веры, предназначенным, главным образом, для мира в целом и потому представляют собой чисто земную вещь, в то время, как смысл и цель религии заключаются в связи индивида с Богом (христианство, иудаизм, ислам) или в движении к спасению и освобождению (буддизм). Из этого основополагающего факта вытекает вся нравственность, которую, при отсутствии ответственности индивида перед Богом, нельзя было бы назвать иначе, как обычной моралью.

Поскольку компромиссы с мирской действительностью существуют, то вероисповедания считают своим долгом предпринять основательную систематизацию своих взглядов, доктрины обычаев, и в ходе этого процесса до такой степени овеществляются, что их подлинно религиозный элемент - живая связь и непосредственное сличение с внемирским - вытесняется на задний план. Отдельное вероисповедание измеряет ценность и значимость субъективных религиозных отношений по стандартам традиционной доктрины, и если эти стандарты не особо соблюдаются, как в протестанстве, сразу же начинаются разговоры о ханжестве, сектанстве, эксцентричности и тому подобных вещах, стоит только кому-то заявить, что его ведет воля Божья. "Вероучение" соединяется с официальной Церковью или.

по крайней мере, они создают общечеловеческую организацию, членами которой являются не только истинно верующие, но и огромное количество людей, о которых можно сказать, что они "безразличны" к религии и связаны с ней только силой привычки. Здесь разница между вероучением и религией становится вполне осязаемой.

Стало бы так, следование вероучению не всегда представляет собой религиозное явление, гораздо чаще это явление социальное и, как таковое, не может дать индивиду никакой прочной основы. Чтобы иметь прочную почву под ногами, индивид должен полагаться исключительно на свою связь с силой, не принадлежащей к этому миру. Здесь критерием является не заявления о наличии убеждений, а психологический факт того, что жизнь индивида определяется не только его и его мнением, или социальными факторами, но в равной, если не большей степени и трансцендентальной силой. В основе свободы и автономности индивида лежат не этические принципы (какими бы возвышенными они не были) и не убеждения (пусть даже самые твердые), а всего лишь простое эмпирическое осознание, непередаваемое ощущение очень личной, взаимной связи между человеком и внеземной силой, которая действует, как противовес "миру" и его "разуму".

Эта формулировка не понравится ни человеку толпы, ни стороннику коллективной веры. Для первого, политика Государства является главенствующим принципом мышления и действия. Человек толпы видит перед собой только эту цель и признает за индивидом право на существование только в том случае, если последний является "клеточкой" Государства. С другой стороны, верующий, хотя и признает, что находится в нравственно-фактическом долгу перед Государством, но придерживается убеждения, что не только человек, но и повелевающее им Государство является подданным "Бога", и что в спорных случаях последнее слово остается за Богом, а не за Государством. Поскольку я не расположен высказывать какие-либо метафизические суждения, я ставлю открытым вопрос о том, является ли "мир", то есть феноменальный мир человека и, стало быть, природа вообще, "противоположностью" Богу или нет. Я могу только указать на тот факт, что психологическое противостояние между этими двумя царствами ощущений не только подтверждается в Новом Завете, но и вполне определенно проявляется в наше время в отрицательном отношении диктаторских Государств к религии и в отрицательном отношении Церкви к атеизму и материализму.

Если человек, будучи существом общественным, не может долгое время существовать в отрыве от общества, то и для индивида истинным оправданием его существования и его духовной и нравственной автономности является только внеземная принцип, способный релятивизировать всемогущество внешних факторов. Личность, корни которой не уходят в Бога, не может самостоятельно сопротивляться физическим и нравственным соблазнам этого мира. Для этого ей нужно внутреннее, трансцендентальное ощущение, которое только и может защитить ее от неизбежного растворения в массе. Обычное интеллектуальное или даже нравственное понимание тупости и нравственной безответственности человека толпы является всего лишь негативным одобрением не более чем остановкой на пути к растворению индивидуальности. В этом понимании отсутствует яростная сила религиозной веры, поскольку оно является обычной рациональной вещью. У диктаторского Государства есть одно очень большое преимущество перед буржуазным разумом: вместе с индивидом оно проглатывает и его религиозные силы. Государство занимает место Бога; именно поэтому социалистические диктатуры, если смотреть на них под этим углом зрения, религиозны, а государственное рабство является формой культа. Но религиозная функция не может быть устранена или фальсифицирована без того, чтобы не дать пищи для тайных сомнений, которые немедленно подавляются, чтобы избежать конфликта с доминирующим стремлением к массовому сознанию. Результатом, как всегда в таких случаях, является чрезмерная компенсация в форме фанатизма, который, в свою очередь, используется, как орудие подавления малейших проявлений сопротивления. Независимым суждениям не дают хода, а нравственное решение безжалостно подавляется под предлогом того, что цель оправдывает средства, даже самые гнусные. Интересы

Государство возводится в ранг веры, вождь или партийный начальник превращается в полубога, на которого не распространяются понятия добра и зла, а его жрецов славят, как героев, мучеников, апостолов, миссионеров. Существует только одна истина и никакой другой. Она священна и неприкосновенна. Любая, кто думает по-другому, является еретиком, которому, как мы знаем из истории, угрожают всем набором весьма неприятных вещей. Только партийный хозяин, в руках которого находится политическая власть, имеет право толковать государственную доктрину, что он и делает к своей выгоде.

Когда под воздействием "массового правления" индивид становится единицей общества под определенным номером, а Государство возводится в ранг высшего принципа, тоне стоит удивляться тому, что религиозная функция тоже попадает в этот водоворот. Религия, в качестве внимательного наблюдения за определенными невидимыми и неконтролируемыми факторами и принятия их в расчет, является свойственной только человеку инстинктивной позицией, проявления которой можно наблюдать на всем протяжении истории человечества. Ее очевидной целью является сохранение психического равновесия, поскольку естественный человек обладает не менее естественным "знанием" того факта, что функции его сознания могут в любое время спастись перед неконтролируемыми событиями, происходящими как внутри, так и снаружи его. По этой причине он всегда заботится о том, чтобы соответствующими мерами религиозного характера обезопасить любое трудное решение, которое, скорее всего, будет иметь определенные последствия для него самого и для других людей. Невидимым силам приносятся жертвы, даются страшные клятвы и отправляются всевозможные торжественные ритуалы. Везде и во все времена существовали rites d'entrée et de sortie (Ритуалы входа и выхода (фр.) - Прим. ред.), на которые рационалисты, неспособные на психологическое прозрение, смотрели, как на магию и суеверие. Но магия, прежде всего, имеет психологический эффект, важность которого не следует недооценивать. Сверхъестественное "магическое" действие дает человеку чувство безопасности, которое абсолютно необходимо для претворения в жизнь принятого решения, потому что решение неизбежно является несколько односторонним, а потому совершенно справедливо рассматривается, как риск. Даже диктатор считает нужным не только сопровождать свои государственные деяния угрозами, но и обставать их всевозможными торжествами. Духовые оркестры, флаги, знамена, парады и чудовищных размеров демонстрации в принципе ничем не отличаются от церковных процессий, канонад и фейерверков, которыми отпугивают демонов. Только впечатляющая демонстрация мощи Государства порождает коллективное чувство безопасности, которое, в отличие от религиозных шествий, не дает индивиду никакой защиты от его внутренних демонов. Поэтому он все больше и больше будет цепляться за Государство, то есть за массу, тем самым подчиняя себя ей, как психически, так и нравственно, нанося последний штрих на картину своего обезличивания. Государство, как и Церковь, требует энтузиазма, самопожертвования и любви, и если религия требует или предполагает "страх перед Богом", то диктаторское Государство прилагает все усилия к тому, чтобы обеспечить надлежащее количество страха.

Когда рационалист направляет свой основной удар на волшебный эффект ритуала, о котором говорит традиция, то на самом деле он попадает пальцем в небо. Он упускает из виду самое главное - психологический эффект, несмотря на то, что и религия, и государство используют его в своих диаметрально противоположных целях. Та же самая ситуация обнаруживается и при рассмотрении концепции цели религии и концепции цели государства. Цели религии - освобождение от зла, примирение с Богом, вознаграждение за земную жизнь и так далее - у государства превращаются в земные обещания освобождения от ежедневной заботы о хлебе насущном, справедливое распределение материальных благ, всеобщего процветания в будущем и более короткого рабочего дня. Тот факт, что до исполнения этих обещаний так далеко, как до Рая, является всего лишь еще одной аналогией и подчеркивает то, что массы переключены с внеземной целина чисто мирскую веру, которую они исповедуют с точно таким же •

религиозным рвением и фанатизмом, какие свойственны приверженцам противоположной доктрины.

Чтобы не повторяться без нужды, я не буду проводить все параллели между верованиями мирскими и не от мира сего, а удовольствуюсь привлечением внимания читателя к тому факту, что существующая изначально естественная функция, а именно такой является функция религии, не может быть отменена рационалистически мыслящими так называемыми "просвещенными" критиками. Они, разумеется, могут представить содержание доктрин веры, как невозможное, и подвергнуть их осмеянию, но при этом они упускают главное и никак не задевают религиозную функцию, которая составляет основу веры. Религия, как осознанное почтение к иррациональным факторам психики и индивидуальной судьбы, проявляется (в довольно искаженном виде) в обожествлении Государства и диктатора:

Naturam expellas furca tamen usque recurret (Ты можешь гнать Природу вилами, но она обязательно вернется). Вожди и диктаторы, правильно оценив ситуацию, отчаянно стараются скрыть под толстым слоем грима слишком явную аналогию с обожествлением Цезаря и спрятать свою реальную власть под фикцией Государства, хотя от этого ничего не меняется. (Весной 1956 г., уже после того, как была написана эта статья, в СССР наблюдалась заметная реакция на это достойное сожаления положение вещей. - Прим. К.Г. Юнга.)

Какая уже указал, диктаторское Государство, помимо лишения индивида его прав, также выбивает почву у него из под ног в психическом смысле, разрушая метафизическую основу его существования. Нравственный выбор индивидуальной человеческой сущности больше не принимается во внимание - значение имеет только слепое движение масс, а ложь становится основным принципом политической деятельности. Государство сделало из этого логичный вывод, о чем молчаливо свидетельствует бытие многих миллионов рабов Государства, полностью лишенных всех прав.

И диктаторское Государство, и организованная религия делают особое ударение на идею коллективизма. Это - основной идеал "коммунизма", и его так отчаянно запикивают людям в глотку, что это приводит к результату, прямо противоположному ожидаемому: он дает пищу для раскола и недоверия. Церковь, для которой этот идеал имеет не меньшее значение, представляется мечтой коллектива, а там, где церковная организация явно слаба (например, в протестанстве), обидная нехватка единства заменяется верой в "коллективное ощущение" или надеждой на него. Несоставляет труда увидеть, что "коллективизм" незаменим при организации масс и, стало быть, является обоюдоострым оружием. Точно так же, как сумма многих нулей все равно никогда не даст единицу, так ценность коллектива зависит от духовного и нравственного состояния составляющих его индивидов. Поэтому никак нельзя рассчитывать на то, что воздействие коллектива перевесит мощное влияние окружающей среды - то есть реальные и фундаментальные перемены (как к лучшему, так и к худшему), происходящие в индивидах. Такие перемены могут быть только результатом личных отношений между людьми, а не коммунистического или христианского крещения *en masse* (Целиком, поголовно (фр.) - Прим. ред.), которое никак не задевает внутреннего человека. Поверхностность результатов пропаганды "общины" доказывают недавние события в Восточной Европе (Эта фраза была дописана в 1957 г. - Изд.). Идеал "общины" является крупным заблуждением, поскольку не принимает в расчет индивидуальное человеческое существо, которое, рано или поздно, заявит о своих правах.

3. Позиция Запада по вопросу религии

Столкнувшись с таким развитием событий на двадцатом веке существования христианской эры, Западный мир оглядывается на свое наследие - римское право, сокровища иудаистско-христианской этики, корни которых уходят в метафизику, и наконец к неотъемлемым правам человека. В тревоге он задает себе вопрос: Каким образом можно застопорить это развитие или повернуть его в обратном направлении? Ставить

социалистическую диктатуру к позорному столбу, объявлять ее утопией, высмеивать ее экономические принципы, как неразумные - дело бесполезное, потому что, во-первых. Запад высказывает свои критические замечания самому себе, его аргументы слышны только по его сторону Железного Занавеса, а, во-вторых, вы можете претворить в жизнь любые экономические принципы, которые вам по душе, если вы готовы принести связанные с этим жертвы. Вы можете провести любые милые вашему сердцу социальные и экономические реформы, если, подобно Сталину, вы можете умиротворить голодом три миллиона крестьян (Реальная цифра гораздо больше - Прим. перев.) и иметь в своем распоряжении несколько миллионов голов бесплатной рабочей силы. Государству такого рода не страшны никакие социальные или экономические кризисы. Пока сила этого государства не подорвана - то есть, пока в нем имеется дисциплинированная, сытая и готовая выполнять полицейские функции армия - оно может существовать неопределенно долго и может увеличивать свою власть до немыслимых пределов. Благодаря чрезмерно высокому уровню рождаемости, оно может произвольно наращивать количество бесплатной рабочей силы, чтобы иметь возможность конкурировать со своими соперниками и не зависеть от мирового рынка, который в значительной степени зависит от уровня зарплат. Реальная опасность может прийти только извне, в форме военного нападения. Но возможность такого развития событий с каждым годом уменьшается, во-первых, потому что постоянно увеличивается военный потенциал диктаторских государств, а во-вторых, потому что Запад не может себе позволить пробудить дремлющий национализм ишовинизм русских и китайцев, предпринять нападение, которое даст результат, прямо противоположный ожидаемому.

Итак, пока что можно говорить только об одной возможности, а именно, о разрушении такого государства изнутри, которое, однако, должно явиться следствием его же внутреннего развития. В настоящее время любое воздействие извне не принесло бы особой пользы, принимая во внимание существующие меры безопасности и опасность националистической реакции. Абсолютистское Государство располагает армией фанатичных миссионеров, которых оно может использовать для осуществления своей внешней политики, а те, в свою очередь, могут рассчитывать на "пятую колонну", которая надежно защищена законами и конституциями западных государств. В добавок к этому, коллективы "верующих", обладающие большим влиянием на местах, в значительной степени ослабляют способность западных правительств принимать решения, в то время, как Запад не имеет никакой возможности оказать подобное влияние на противоположную сторону, хотя у нас есть основания для предположения о наличии определенного сопротивления в странах Восточного блока. В любой стране имеются гордые и стремящиеся кистине люди, которым ненавистны ложь и тирания, но нельзя сказать, могут ли эти люди оказать решающее влияние на массы в условиях полицейского режима. (Недавние события в Польше и Венгрии показали, что это сопротивление гораздо значительнее, чем это можно было себе представить. Прим. К-Г. Юнга.)

В такой неблагоприятной ситуации люди на Западе вновь и вновь задаются вопросом: Каким образом мы можем справиться с идущей с Востока опасностью? Несмотря на то, что Запад обладает серьезной индустриальной мощностью и располагает значительным оборонным потенциалом, мы не можем почивать на лаврах, потому что знаем, что даже горы оружия и самая развитая индустрия в сочетании с относительно высоким уровнем жизни не в состоянии справиться с психической инфекцией, распространяемой религиозным фанатизмом.

К сожалению, Запад пока еще не осознал этого факта, что наши, произносимые с таким энтузиазмом, призывы к высоким идеалам, благоразумию и прочим желательным качествам являются гласом вопиющего в пустыне. Это всего лишь легкий ветерок, исчезающий в урагане религиозной веры, какой бы дикой нам не казалась эта вера. Мы оказались в ситуации, которую можно разрешить не с помощью рациональных или нравственных аргументов, а посредством высвобождения эмоциональных сил и идей, порожденных духом

времени; а эти последние, как мы знаем по опыту, не очень-то зависят от рациональных размышлений и еще в меньшей степени - от призывов к нравственности. Во многих кругах уже пришли к пониманию того, что в данном случае противоядием должна быть только не менее сильная вера другого нематериалистического типа, и что основанная на ней религиозная позиция будет единственной надежной защитой от опасности психического заражения. К несчастью, маленькое словосочетание "должна быть", которое всегда возникает в этой связи, указывает на определенную слабость, если не на отсутствие этого желательного качества. Западу не только не достает единой веры, которая могла бы остановить продвижение фанатической идеологии, но, будучи отцом марксистской философии, он использует те же самые интеллектуальные предположения, те же самые аргументы и те же самые цели. Хотя любая Церковь на Западе пользуется полной свободой, но ее существование имеет не больший и не меньший смысл, чем существование любой Церкви в странах Востока. И те, и другие не оказывают какого-либо значительного воздействия на политику в целом. Недостаток вероучения, как общественной институции заключается в том, что оно является слугой двух господ: с одной стороны, оно обязано своим существованием связи человека с Богом, а с другой, у него есть обязанность перед Государством, то есть миром, в связи с чем оно может апеллировать к постулату "Кесарево - кесарево" и к другим изречениям из Нового Завета.

Поэтому, с древности и вплоть до не таких уж далеких времен шли разговоры о том, что "власти от Бога устроены" (Римлянам 13:1). В наше время эта концепция устарела. Церкви защищают традиционные и коллективные убеждения, которые для многих из их сторонников строятся уже не на их собственных внутренних ощущениях, а на бездумной вере, которая печально известна тем, что исчезает, как только над ней начинают задумываться. В этом случае содержание веры приводит к столкновению со знанием, и зачастую оказывается, что иррациональность первой не может устоять перед натиском рациональности второго. Вера не является адекватным заменителем внутреннего ощущения, и там, где оно отсутствует, даже сильная вера, возникшая чудесным образом, словно божья благодать, таким же чудесным способом может и исчезнуть. Люди называют веру истинным религиозным ощущением, но они не перестают считать, что, на самом деле, оно является вторичным феноменом, возникающим из чего-то, что случилось с нами раньше и вселило в нас доверие и верность. Это ощущение обладает определенным содержанием, которое может быть истолковано категориями той или иной организованной религии. Однако, чем активнее идет этот процесс, тем больше вероятность конфликта со знанием, в котором нет никакого смысла. Итак, организованные религии находятся на устаревших позициях; они полны впечатляющих мифологических символов, которые, если воспринимать их буквально, приводят к невыносимому конфликту со знанием. Но если, например, утверждение о том, что Христос восстал из мертвых, понимать не буквально, а символически, тогда оно может быть объектом для различных толкований, которые не будут вступать в конфликт со знанием и не исказят смысла самого утверждения. Возражение, что символическое понимание этого утверждения кладет конец христианской вере в бессмертие, по самой своей сути убого, потому что задолго до пришествия христианства человечество верило в жизнь после смерти и, стало быть, ему не была нужна никакая гарантия бессмертия в форме праздника Пасхи. Опасность того, что слишком буквальное понимание мифологии в той форме, в какой ее преподносит Церковь, неожиданно приведет к ее полному отрицанию, в наше время велика, как никогда. Не пора ли начать понимать христианскую мифологию символически, чтобы предотвратить ее полное уничтожение?

Пока еще слишком рано говорить о том, какие могут быть последствия общего признания гибельной аналогии между Государственной религией Марксистов и Государственной религией Церкви. Абсолютистская претензия на то, что *Civitas Dei* (* Божье Государство (лат.) - Прим. ред.) может быть представлено человеком, печально напоминает "божественность" Государства, а нравственный вывод, сделанный Игнатием Лойолой, исходя из авторитета Церкви ("цель оправдывает средства"), служит

чрезвычайно опасным оправданием, как инструмента политики. И Церкви и Марксизм требуют безоговорочной веры, тем самым ограничивая свободу человека, одно ограничивает его свободу в отношении с Богом, а другое - в отношениях с Государством, вырывая, тем самым, могилу индивидуальности. Хрупкому существованию этого - насколько нам известно - уникального носителя жизни угрожают с обеих сторон, несмотря на соответствующие обещания грядущих духовной и материальной идиллии. И сколько из нас сумеет устоять перед мудростью пословицы "лучше синица в руках, чем журавль в небе"? Кроме того, Запад лелеет то же самое "научное" и рационалистическое мировоззрение, с его склонностью к статистической уравниловке и материалистическим целям, что и господствующая в странах Восточного блока религия Государства, о чем я уже говорил выше.

В таком случае, что же Запад, с его политическими и церковными ересями, может предложить попавшему в трудное положение современному человеку? К сожалению, ничего, кроме различных тропинок, ведущих к одной и той же цели, которая практически ничем не отличается от идеала марксизма. Не нужно никаких особых умственных усилий для того, чтобы понять, откуда коммунистическая идеология черпает свою уверенность в том, что время работает на нее, и что мир созрел для преобразований. Известные факты не оставляют никакой возможности для сомнений. Нам, на Западе, не станет легче, если мы закроем глаза на это и не осознаем нашей смертельно опасной уязвимости. Любой, кто однажды полностью подчинился коллективной вере и отказался от своего вечного права на свободу и от своего не менее вечного долга индивидуальной ответственности, будет упорно цепляться за эту позицию и будет способен с точно такой же верой и таким же отсутствием критического подхода маршировать в обратном направлении, если другая и внешне "лучшая" вера будет навязана его мнимому идеализму. Что в недавнем прошлом произошло с цивилизованной европейской нацией? Мы обвиняем немцев в том, что они уже обо всем этом забыли, но истина состоит в том, что мы не можем быть уверены, что нечто подобное не могло произойти в каком-нибудь другом месте. Ничего удивительного не было бы в том, если бы так оно и было, и какая-нибудь другая цивилизованная нация заразилась бы односторонней идеей единообразия. Позвольте себе задать вопрос: какие страны имеют самые большие коммунистические партии? Америка, которая - *O quae mutatio rerum!* (О, какие перемены! - Прим. ред.) - представляет собой истинный политический хребет Западной Европы, вроде бы выработала иммунитет, благодаря занятой ею откровенно противоположной позиции, но на самом деле она, вероятно, еще более уязвима, чем Европа, поскольку ее система образования в наибольшей степени подвергается воздействию научного мировоззрения с его статистическими истинами, а ее состоящему из представителей многих национальностей населению трудно пустить корни в землю, у которой практически нет истории. Исторический и гуманитарный тип образования, столь необходимый в таких условиях, находится на положении Золушки. Хотя Европа отвечает этому последнему требованию, она использует это образование себе во вред, разжигая национальный эгоизм и парализующий скептицизм. И тому, и другому свойственна материалистическая коллективистская цель, и им обоим недостает того самого, что выражает и захватывает человека целиком, а именно, идеи, которая ставит в центр всего индивидуальное человеческое существо, как меру всех вещей.

Уже одной этой идеи достаточно для того, чтобы пробудить самые сильные сомнения и самое отчаянное сопротивление, и человек сможет практически подойти к утверждению о том, что ценность индивида по сравнению с большими числами - это единственная вера, которая достойна всеобщего и единодушного одобрения. Еще бы, мы ведь все говорим о том, что наш век - это век простого человека, что он является хозяином земли, воды и воздуха, и что его решение определяют историческую судьбу наций. К сожалению, эта великолепная картина человеческого величия является иллюзией, не имеющей ничего общего с реальностью. В реальности человек является рабом и жертвой машин, которые помогли ему покорить пространство и время; он запуган и поставлен в опасное положение военной технологией, которая, по идее, должна оберегать его физическое существование; его духов-

ной и нравственной свободе, хоть и гарантируемой в определенных пределах в половине стран нашего мира, угрожает хаотическая дезориентация, а в другой половине мира эта свобода полностью отменена. Наконец, у этой трагедии есть и комический аспект - этому повелителю стихий, этому вселенскому арбитру милее всего теории, провозглашающие бесполезность его достоинства и абсурдность его независимости. Все его достижения и приобретения не делают его больше; напротив, они уменьшают его, ярким примером чего является судьба заводского рабочего, живущего под законом "справедливого" распределения материальных ценностей. За свою "долю" фабрики он расплачивается утратой личного имущества, свою свободу перемещения он меняет на сомнительное удовольствие прикрепленности к месту своей работы, он лишается всех возможностей улучшить свое положение, если не желает "гореть на работе", и если он проявляет какие-то признаки ума, ему в глотку запикивают политические наставления, и ему еще пове-зет, если это будет сделано хоть с каким-то знанием дела. Впрочем, не следует плевать на кров и хлеб насущный, когда человека в любой день могут лишить всех жизненно необходимых вещей.

4. Понимание индивидом самого себя

Просто поразительно, что человек, зачинщик, организатор и движущая сила всех этих достижений, дающий начало всем суждениям и решениям, планирующий будущее, должен превращать себя в такую *quantite neglige-able* (Ничтожная величина (фр.) - Прим. ред.). Это противоречие, эта парадоксальная оценка человечества самим человеком является воистину объектом для удивления и может быть объяснена только крайней неуверенностью в суждениях - иными словами, человек является загадкой для самого себя. Это можно понять, принимая во внимание то, что ему недостает средств сравнения, необходимых для самопознания. Он знает, чем он отличается от других животных в смысле анатомии и физиологии, но, как обладающее сознанием, наделенное речью, размышляющее существо, он не имеет никаких критериев самооценки. На этой планете он является уникальным феноменом, который ни с чем нельзя сравнить. Возможность сравнения и, отсюда, самопознания, появилась бы только в том случае, если бы он смог установить отношения с человеком подобными млекопитающим, населяющими другие звезды.

Пока этого не произойдет, человек вынужден продолжать напоминать отшельника, который знает, что в смысле сравнительной анатомии он близок антропоидам, но явно отличается от своих братьев меньших в смысле психе. Именно эту самую важную отличительную черту своего вида он не может познать и потому остается загадкой для самого себя. Различные степени самопознания в пределах своего собственного вида не имеют большого значения по сравнению с теми возможностями, которые открылись бы при встрече с созданием другого происхождения, но обладающим сходной структурой. Наша психе, которая несет основную ответственность за все исторические изменения, нанесенные рукой человека на лик этой планеты, остается неразрешимой головоломкой и непостижимым чудом, объектом постоянных задумчивых размышлений - чем она напоминает все тайны Природы. Что касается последней, то у нас еще есть надежда совершить больше открытий и найти ответы на самые трудные вопросы. Что до психе и психологии, то здесь наблюдаются странные сомнения. Она не только является самой молодой из эмпирических наук, но еще и испытывает огромные трудности с тем, чтобы хотя бы подобраться к предмету своих исследований.

Чтобы освободить наше представление о мире от пред-рассудков геоцентризма, был нужен Коперник, и для того, чтобы освободить психологию, тоже потребуются отчаянные усилия почти революционного характера. Прежде всего, психологию следует освободить от гипноза мифологических идей, а затем от предубежденного мнения, что психе является, с одной стороны, эпифеноменом происходящего в мозгу биохимического процесса, а с другой, исключительно личным делом. Связь с мозгом сама по себе не может служить

доказательством того, что психе является эпифеноменом, вторичной функцией, причинно связанной с происходящим в физическом суб-стратебиохимическим процессом. Тем не менее, мы слишком хорошо знаем, насколько психическую функцию могут расстроить проходящие в мозгу вполне доказуемые процессы, и это факт настолько впечатляет, что вывод о вторичности природы психе представляется почти неизбежным. Однако, феномены парапсихологии призывают нас к осторожности, поскольку они указывают на релятивизацию пространства и времени посредством психических факторов, что ставит под сомнение наше наивное и слишком поспешное объяснение их категорически психофизической параллельности. Во имя этого объяснения люди с ходу отрицают открытия парапсихологии, либо по философским причинам, либо из умственной лености. Вряд ли это можно считать научно ответственным подходом, несмотря на то, что это очень популярный выход из чрезвычайно сложной интеллектуальной ситуации. Чтобы оценить психический феномен, мы должны принять во внимание все другие сопутствующие ему феномены, соответственно, мы не можем больше признавать любую психологию, которая игнорирует существование бессознательного или парапсихологии.

Структура и физиология мозга совсем не объясняют психический процесс. "Psyche" обладает специфической природой, которую нельзя свести к чему-либо другому. Как и физиология, она представляет собой относительно замкнутое поле ощущений, которому мы обязаны придавать особое значение, поскольку оно включает в себя одно из двух обязательных условий существования, как такового, а именно, феномен сознания. Без сознания не было бы, практически говоря, никакого мира, потому что мир существует для нас только той степени, в какой его осознанно отражает психе. Сознание есть предварительное условие бытия. Итак, психе возведена в ранг космического принципа, который и философски, и фактически ставит ее в равное положение с принципом физического бытия. Носителем этого сознания является индивид, который не создает психе по своему желанию, а, напротив, формируется ею и вскармливается постепенным пробуждением сознания во время своего детства. Стало быть, если психе обладает огромной эмпирической важностью, то так же важен и индивид, который является единственным непосредственным проявлением психе.

Подвум причинам этому факту нужно уделить особое внимание. Во-первых, индивидуальная психе, именно в силу своей индивидуальности, представляет исключение из статистического правила и, стало быть, подвергаясь уравнивающему воздействию статистической оценки, теряет одну из своих основных характеристик. Во-вторых, Церковь допускает важность индивида только тогда, когда он признает их догмы - иными словами, когда он подчиняется коллективной категории. В обоих случаях стремление к индивидуальности считается эгоистическим упрямством. Наука отмахивается от него, как от субъективизма, а Церковь осуждает его, как нравственную ересь и духовную гордыню. Что до последнего обвинения, то не следует забывать - в отличие от других религий, христианство предъявляет нам символ, содержанием которого является индивидуальный образ жизни человека, Сына Человеческого, более того, оно даже рассматривает это процесс индивидуации как инкарнацию и проявление самого Бога. Значит, развитие самости приобретает значение, полный масштаб которого трудно переоценить, потому что излишняя сосредоточенность на внешнем мире блокирует путь к непосредственному внутреннему ощущению. Если бы автономность индивида не была бы тайным желанием многих людей, то она вряд ли смогла бы пережить, как в нравственном, так и в духовном смысле, подавление коллективностью.

Все эти препятствия затрудняют правильную оценку человеческой психе, но они не имеют большого значения, за исключением одного примечательного факта, о котором следует упомянуть. Психиатры хорошо знают, что недооценка психе и прочие методы сопротивления психологическому просвещению в значительной степени основаны на страхе - паническом страхе открытий, которые могут быть сделаны в царстве бессознательного. Этот страх наблюдается не только у людей, которых испугала нарисованная Фрейдом картина бессознательного; их также беспокоит сам основатель психоанализа,

который признался мне, что из его теории сексуальности необходимо было сделать догму, потому что это был единственный надежный бастион разума на пути возможного "вторжения темных сил оккультизма". Этими словами Фрейд выражал свое убеждение, что в бессознательном по-прежнему таится много вещей, которые могут привести к "оккультному" их толкованию, что имеет место в действительности. Эти "рудименты" или архетипические формы, основанные на инстинктах и их выражающие, обладают сверхъестественным качеством, которое иногда вызывает страх. Они неистребимы, ибо представляют основание самой психе. Их нельзя постичь разумом, и если уничтожается одно их проявление, они возникают уже в другой форме. Именно этот страх бессознательного не только мешает самопознанию, но является самым серьезным препятствием на пути к более широкому пониманию и знанию психологии. Зачастую этот страх настолько велик, что человек не решается признаться в нем даже самому себе. Вот вопрос, к которому любой религиозный человек должен отнестись очень серьезно; ответ на него может быть истинным мозаиением.

Научно ориентированная психология ограничивается, ведя себя абстрактно; то есть она старается не потерять объект из виду, дистанцируясь от него на как можно большее расстояние. Вот почему открытия лабораторной психологии с практической точки зрения зачастую не содержат в себе ничего поучительного и интересного. Чем больше индивидуальный объект доминирует в поле зрения, тем больше из него можно извлечь практического, подробного и живого знания. Это означает, что объекты исследования тоже становятся все более и более сложными, а неопределенность индивидуальных факторов растет прямо пропорционально их количеству, тем самым увеличивая возможность ошибки. Вполне понятно, почему академическая психология боится этого риска и предпочитает избегать сложных ситуаций, задавая очень простые вопросы, чем она может заниматься совершенно безнаказанно. Она полностью свободна в выборе вопросов, которые она поставит Природе.

С другой стороны, медицинской психологии очень далеко до этой более-менее выгодной позиции. Здесь вопрос задает не экспериментатор, а объект. Аналитик имеет дело с фактами, которых он не выбирал, и которые он, скорее всего, не выбрал бы, будь на то его воля. Вопросы ребром ставит болезнь или сам пациент - иными словами Природа экспериментирует с врачом и ожидает от него ответа. Уникальность индивида и его положения смотрит аналитик прямо в глаза и требует ответа. Долг врача заставляет разбираться с ситуацией, которая кишит неопределенными факторами. Поначалу он применит принципы, основанные на общем опыте, но быстро поймет, что принципы такого рода выражают факты неадекватно и в данном случае непригодны. Чем глубже он проникает в суть дела, тем больше общие принципы теряют свой смысл. Но эти принципы являются основой объективного знания и его мерой. С ростом того, что и пациент, и врач, ощущают, как "понимание", ситуация становится все более субъективизированной. То, что поначалу было преимуществом, угрожает превратиться в опасный недостаток. Субъективизация (говоря технически, перенос и контрперенос) приводит к изоляции от окружения, социальным ограничениям, которые нежелательны для обоих участников, но являются неизбежным следствием доминирования понимания, больше неуравновешенного знанием. Чем глубже понимание, тем дальше оно от знания. Идеальное понимание, в конце концов, приведет к тому, что каждый участник будет не задумываясь воспринимать ощущения другого - придет в состояние некритичной пассивности в сочетании с абсолютной субъективностью и отсутствием ответственности перед обществом. Впрочем, достичь такого уровня понимания невозможно, потому что для этого потребовалось бы реальное отождествление двух различных индивидов. Рано или поздно отношения достигают точки, в которой один партнер чувствует, что его вынуждают принести в жертву свою индивидуальность, чтобы она могла быть ассимилирована индивидуальностью партнера. Этот неизбежное развитие ситуации разрушает понимание, ибо понимание предполагает также интегральное сохранение индивидуальности обоих партнеров. Стало быть, разумнее

будет довести понимание только до той точки, в которой достигается равновесие между пониманием и знанием, ибо понимание любой ценой вредит обоим партнерам.

Эта проблема возникает каждый раз, когда требуется познать и понять сложную, индивидуальную ситуацию. Специфическая задача психолога-медика заключается в том, чтобы обеспечить это знание и понимание. Такую задачу должен был бы решать и "духовный наставник", рьяно старающийся лечить человеческие души, если бы его должность неизбежно обязывала его в критический момент применять эталон своих религиозных пристрастий. В результате право индивидуана существование, как таковое, ограничивается коллективным предупреждением, причем зачастую ограничению подвергается наиболее ценный его аспект. Этого не происходит только в одном случае: когда догматический символ, например жизнь Христа, понимается конкретно и ощущается индивидом адекватно. Насколько мы близки к такому положению вещей в наше время, я предоставляю судить другим. Так или иначе, аналитик очень часто вынужден лечить пациентов, для которых религиозные ограничения ничего не значат или значат очень мало. Стало быть, его профессия заставляет иметь как можно меньше предупреждений. А рассматривая метафизические (то есть не подлежащие проверке) убеждения и утверждения, он тоже постарается не считать их универсально верными. Такая осторожность необходима, потому что индивидуальные черты личности пациента не должны быть искажены произвольным вмешательством извне. Аналитик должен оставить это влиянию окружающей среды, внутреннему развитию самого пациента и - в самом широком смысле - судьбе со всеми ее справедливыми и несправедливыми решениями.

Многим эта повышенная бдительность, возможно, покажется чрезмерной. Однако, принимая во внимание тот факт, что в диалектическом процессе между двумя индивидами, даже если он проходит чрезвычайно тактично, имеется такое множество взаимосвязанных факторов влияния, что ответственный аналитик удержится от ненужного прибавления чего-то своего к коллективным факторам, которым его пациент уже успел подчиниться. Более того, он очень хорошо знает, что проповедывание даже самых стоящих заповедей только спровоцирует пациента на открытое проявление враждебности или скрытое сопротивление, тем самым безо всякой нужды поставив под угрозу достижение цели лечения. В наше время психическому состоянию индивида настолько сильно угрожают реклама, пропаганда и прочие дающиеся более-менее благими целями советы и предложения, что пациент заслуживает того, чтобы хотя бы раз в жизни вступить в отношения, в ходе которых он не будет постоянно слышать "тебе следует", "ты должен" и прочие признания бессилия. Аналитик считает своим долгом играть роль "консультанта по обороне" от агрессии извне, в не меньшей мере, чем от последствий этой агрессии в психе индивида. Опасность того, что в этом случае могут быть высвобождены анархические инстинкты слишком преувеличивается, поскольку, как извне, так и внутри, существуют вполне очевидные "предохранительные устройства". Кроме всего прочего, следует принимать в расчет естественную трусость большинства людей, не говоря уже о нравственности, хорошем вкусе и - я упоминаю его последним, но он имеет далеко не последнее значение - уголовном кодексе. Этот страх ничто в сравнении с огромными усилиями, которые люди, как правило, затрачивают на то, чтобы помочь первым проявлениям индивидуальности добраться до сознания, не говоря уже о том, чтобы привести их в действие. И там, где эти индивидуальные импульсы прорвались слишком смело и независимо от мышления, аналитик должен защищать их от неуклюжих попыток пациента найти выход в неадекватности, бесжалостности и цинизме.

По мере развития диалектического спора достигается момент, при котором возникает необходимость оценки индивидуальных импульсов. К этому времени пациент должен приобрести определенную уверенность в своей способности к правильным суждениям, которая даст ему возможность действовать на основании своих собственных прозрений и решений, а не на основании обычного желания копировать общепринятые образцы - даже если он и согласен с мнением коллектива. Если он не стоит твердо на ногах, то

так называемые объективные ценности не принесут ему никакой пользы, поскольку будут служить только в качестве заменителя характера, помогая, тем самым, подавить его индивидуальность. Разумеется, общество имеет неотъемлемое право защищать себя от отягченного субъективизма, но пока что общество само состоит из деиндивидуализированных человеческих существ, а потому полностью отдано на милость безжалостных индивидуалистов. Пусть оно разделяется на группы и организации сколько ему будет угодно - именно эта групповщина и вытекающее из нее исчезновение индивидуальных личностей приводит к тому, что общество с такой готовностью падает ниц перед диктатором. К сожалению, даже миллион нулей в сумме ни за что не дадут единицы. В этом мире абсолютно все зависит от качества индивида, но наш опасно близорукий век мыслит только категориями больших чисел и массовых организаций, хотя стоило бы задуматься над тем, что мы уже имели более чем достаточно возможностей убедиться в последствиях деятельности дисциплинированной банды, подчиняющейся одному сумасшедшему. К сожалению, пока не видно, чтобы это дошло до многих людей - наша слепота чрезвычайно опасна. Люди беспечно продолжают организовываться и верить в панацею массового действия, вообще не осознавая того факта, что существование самых могучих организаций может поддерживаться только абсолютной безжалостностью их вождей и самыми дешевыми лозунгами.

Любопытно, что Церкви тоже хотят получить выгоду от массового действия (клином вышибить) - те самые Церкви, которые призваны спасать индивидуальную душу. Похоже, что им не приходилось слышать элементарную аксиому массовой психологии: в массе нравственный и духовный уровень индивида снижается. Именно поэтому они не слишком напрягаются над претворением в жизнь их истинного призвания - помочь индивиду достичь метаноии, возрождения духа - *Deo concedente* (С Божьего соизволения (лат.) - Прим. ред.). К сожалению нет никакого сомнения в том, что если индивид по-настоящему не обновил свой дух, то общество тоже не может быть обновленным, потому что общество - это сумма индивидов, нуждающихся в спасении души. Поэтому я воспринимаю только как обман вполне реальные попытки Церквей привязать индивида к какой-нибудь общественной организации и привести его в состояние ограниченной ответственности, вместо того, чтобы выволить его из апатичной, глупой массы и объяснить ему, что он является единственным важным фактором, и что спасение мира заключается в спасении индивидуальной души. Это правда, что массовые собрания размахивают перед ним этими идеями и пытаются произвести впечатление массовым гипнозом с последующим печальным результатом: как только опьянение проходит, человек немедленно влюбляется в еще более неприятный и более звучный лозунг. Его индивидуальные отношения с Богом послужили бы ему надежным щитом от этого пагубного влияния. Кстати, неужели Христос набирал себе учеников на массовом сборище? Накормив пять тысяч людей, получил ли он хоть несколько последователей, которые потом не кричали вместе со всеми остальными: "Распни его!", когда дрогнул даже камень, по имени Петр (Играслов: имя Петр означает камень. - Прим. ред.)? И разве не Иисус и Павел являются прототипами тех, кто, веря своим внутренним ощущениям, пошел своим собственным путем, бросая вызов всему миру?

Вышесказанное не означает, что мы должны забыть о реальной ситуации, в которой находится Церковь. Когда Церковь старается придать форму аморфной массе, объединяя индивидов в общину верующих и поддерживая существование такой организации спомощью внушения, она не только оказывает огромную услугу обществу, но и совершает неоценимое благодеяние для индивида, придавая смысл его жизни. Однако, эти благодеяния, как правило, только подтверждают определенные тенденции и не меняют их. Жизнь показала, что внутренний человек, к сожалению, не меняется, в каком бы большом коллективе он не находился. Его окружение не может вручить ему, как дар, то, что он может получить только благодаря своим собственным усилиям и страданиям. Напротив, благоприятное окружение просто усиливает опасную тенденцию ожидать всего только снаружи - даже

теметаморфозы, которых внешняя реальность просто не может обеспечить. Под ними понимаю далеко идущие изменения во внутреннем человеке, которые, принимая во внимание массовые феномены нашего времени и назревающую проблему перенаселенности, сегодня еще более необходимы. Настало время спросить самих себя, чего это мы кучкуемся в массовых организациях, и что составляет природу индивидуального человеческого существа, то есть реального, а не статистического человека. Получить ответы на эти вопросы можно только в ходе нового процесса самосозерцания.

Нет ничего удивительного в том, что все массовые движения с величайшей легкостью скользят вниз по наклонной плоскости, сооруженной из больших чисел. Там, где много народу, безопаснее; то, во что верят многие, должно быть правдой; то, чего многие хотят, должно быть стоящей, а значит, и обязательно хорошей штукой. В создаваемом массой шуме чувствуется возможность силой добиться исполнения желаний; однако, самым приятным ощущением является непринужденное и безболезненное возвращение в страну детства, в рай родительской заботы, в беззаботности безответственности. Думают и беспокоятся только те, кто сидит на верху; на любой вопрос есть ответ и все потребности удовлетворяются на необходимом уровне. Существующее в детских мечтаниях человека толпы государство настолько нереалистично, что этому человеку даже не приходит в голову спросить, кто будет платить за этот рай. Подведение баланса предоставляется высшей политической или общественной властью, которая судовольствием берет на себя эту задачу, потому что от этого она становится еще сильнее; а чем сильнее власть, тем слабее и беспомощнее индивид.

Повсюду, где социальные условия такого типа достигают высокого уровня развития, открывается дорога к тирании, а свобода индивида превращается в духовное и физическое рабство. Поскольку каждая тирания является *ipso facto* (В силу самого факта (лат.) - Прим. ред.) безнравственной и безжалостной, то у нее гораздо более широкий выбор методов, чем у институции, которая принимает в расчет индивида. Стоит только такой институции войти в конфликт с организованным Государством, она быстро осознает весьма реальную невыгодность нравственности, а потому вынуждена прибегнуть к методам своего противника. Таким образом, распространение зла почти неизбежно, даже если непосредственного заражения можно избежать. Опасность заражения увеличивается, когда решающее значение придается большим числам и статистическим ценностям, что наблюдается повсеместно в нашем Западном мире. Масса ежедневно той или иной форме с помощью средств массовой информации демонстрирует нам свою удушающую силу, и индивид углубляется в голову его незначительность так старательно, что он теряет всякую надежду на то, что его голос будет услышан. Потрепанные идеалы свободы, равенства и братства ему совершенно не помогают, потому что апеллировать он может только к своим же палачам, выступающим от имени массы.

Сопротивление организованной массе может оказать только человек, который так же хорошо организован в своей индивидуальности, как и сама масса. Я прекрасно понимаю, что это положение может показаться сегодняшнему человеку почти бессмысленным. Он уже давно позабыл весьма полезную средневековую теорию, что человек является микрокосмом, миниатюрной копией огромного космоса, хотя самосуществование его всеобъемлющей имитацией преобразующей психе могло бы напомнить ему о ней. Мало того, что образ макрокосма запечатлен в его психической природе, но он еще и сам создает этот образ для себя во всем большем масштабе. Он носит в себе это космическое "соответствие", с одной стороны, в силу своего склонного к размышлению сознания, а с другой, благодаря наследственной, архетипической природе своих инстинктов, которые привязывают его к окружающей его среде. Но его инстинкты не только привязывают его к микрокосму, они также, в определенном смысле, разрывают его на части, потому что его желания влекут его в разных направлениях. Таким образом, он вступает в постоянный конфликт с самим собой и только в очень редких случаях ему удается подчинить свою жизнь достижению одной-единственной цели - за которую он, как правило, должен заплатить очень высокую цену,

подавляя другие стороны своей природы. Часто приходится задаваться вопросом, а стоит ли всех этих усилий такое исключительное состояние ума, принимая во внимание, что естественное состояние человеческой психе состоит в столкновении составляющих ее частей, ведущих себя совершенно по-разному. То есть, для нее естественен определенный уровень разъединенности. Буддисты называют это состояние "десятью тысячами вещей". Такое состояние требует упорядочивания и синтеза.

Если хаотические движения толпы, каждое из которых заканчивается взаимным разочарованием, направляются в единое русло волей диктатора, то индивиду в его разъединенном состоянии также необходим направляющий и упорядочивающий принцип. Это сознание хочет, чтобы его роль играла его воля, но при этом упускает из внимания мощные факторы бессознательного, которые стоят на пути его намерений. Если оно хочет достичь цели синтеза, то оно сначала должно познать природу всех этих факторов. Оно должно пережить их, или обладать нуминозным символом, который их выражает и ведет к их синтезу. Возможно, что для этого сгодился бы религиозный символ, который включает в себя и визуально представляет то, что ищет выражения в современном человеке; но наша нынешняя концепция христианского символа для этого определенно неподходит. Напротив, эта ужасная расколовшая мир стена проходит именно по владениям "христианского" белого человека, и наш христианский взгляд на жизнь оказался бессильным предотвратить восхождение такого архаичного общественного строя, как коммунизм.

Я не хочу сказать, что с христианством покончено. Напротив, я убежден, что при нынешнем положении вещей устаревшим является не христианство, а наши концепции толкования его. Христианский символ - это живая вещь, которая несет в себе зерна дальнейшего развития. Он может продолжать развиваться; это зависит только от нас, сможем ли мы заставить себя снова задуматься, и при том более глубоко, над посылами христианства. Для этого требуется совершенно иное отношение к индивиду, к микрокосму, от которой мы получили свою личность. Вот почему никто не знает, с какой стороны подступить к человеку, какие внутренние ощущения ему еще предстоит пережить, и какие психические факты лежат в основе религиозного мифа. На всем этом лежит такая непроглядная мгла, что никто не может понять, почему он должен этим интересоваться, или достижению какой цели он должен посвятить свою жизнь. Мы беспомощны перед этой проблемой.

В этом нет ничего удивительного, поскольку все козыри находятся на руках у наших оппонентов. Они могут апеллировать к большому батальону и их сокрушающей силе. С ними в одном ряду стоят политика, наука и технология. Впечатляющие аргументы науки представляют собой высший уровень интеллектуальной уверенности, достигнутый на сегодняшний день разумом человека. Или, по крайней мере, так кажется современному человеку, который уже сто раз просвещен насчет тьмы и отсталости прошлых веков и их суеверий. То, что его учителя сами совершенно сбились с пути, ошибочно сравнивая между собой несопоставимые факторы, ему и в голову не приходит. Тем более, что интеллектуальная элита, которой он задает свои вопросы, почти единодушно утверждает, что то, что современная наука считает невозможным, было невозможно и в другие времена. Прежде всего, те реальные примеры веры, которые могли бы дать человеку шанс занять не приземленную точку зрения, толкуются в том же самом контексте, что и научные факты. Так, когда индивид ставит под сомнение постулаты Церкви и тех, кто выступает от ее имени, и кому доверено исцеление душ, ему сообщают, что принадлежность к церкви - решительно земному институту - это более-менее *derigueur* (* Обязательно (фр.) - Прим. ред.); что факты веры, в которых он усомнился, были конкретными историческими событиями; что определенные ритуальные действия дают сверхъестественные результаты; и что страдание Христа во искупление грехов сохраняло его от них и их последствий (то есть вечного проклятия). Если с находящимися в его распоряжении ограниченными средствами он начинает размышлять об этих вещах, он вынужден будет признать, что совершенно их не понимает, и что у него остаются только две возможности: либо безоговорочно в них

поверить, либо отбросить их, как совершенно непонятные.

Если современный человек может с легкостью раз-мышлять обо всех "истинах", преподнесенных ему Государством на тарелочке, то с пониманием религии дело обстоит хуже по причине отсутствия объяснений. ("Разумеешь ли, что читаешь?" Он сказал: "Как могу разуметь, если кто не наставит меня?" Деяния апостолов 8:30,31) Если, несмотря на это, человек все еще не отбросил все свои религиозные убеждения, то исключительно потому, что религиозный импульс покоится на инстинктивной основе и, стало быть, является специфически человеческой функцией. У человека можно отнять бога, но только для того, чтобы дать ему взамен другое божество. Вожди Государства масс не могут не обожествляться, и там, где дикость подобного рода еще внедрена силой, вместо нее выступают заряженные демонической энергией маниакальные факторы - деньги, работа, политическое влияние и тому подобное. Когда любая естественная человеческая функция передается забвению, то есть ей отказывается в осознанном и преднамеренном выражении, то начинается всеобщее смятение. Поэтому, вполне естественно, что с триумфом богини Разума современный человек становится жертвой общегоневроза, раздвоения личности, ана-логичного нынешнему состоянию мира, разъединенного Железным Занавесом. Эта ошестившаяся колючей проволокой граница проходит через психе современного человека, независимо от того, по какую сторону Железного Занавеса он живет. И точно так же, как типичный невротик не осознает существование своей теневой стороны, так и нормальный индивид, подобно невротiku, видит свою тень в своем соседе или в человеке, живущем по другую сторону великой стены. Клеймить коммунизм, как порождение самого дьявола, а на другой стороне говорить то же самое о капитализме стало даже политическим и общественным долгом, чтобы заставить человека глядеть только на внешний мир и не дать ему заглянуть внутрь самого себя. Но если невротик, несмотря на отсутствие понимания того, что у него имеется и другая сторона, смутно подозревает, что в его психическом хозяйстве не все благополучно, то и у западного человека развился инстинктивный интерес к своей психе и к "психологии".

Итак, психиатр волей-неволей, но должен появиться на мировой сцене и услышать вопросы, которые прежде всего относятся к наиболее интимным и скрытым аспектам жизни индивида, но, при более глубоком рассмотрении, оказываются непосредственным следствием Zeit-geist (Дух времени (нем.) - Прим. ред.). По причине его личностной симптоматики этот материал, как правило, считается "невротическим" - справедливо, потому что он состоит из детских фан-тазий, которые плохо сочетаются с содержимым психе взрослого человека и, следовательно, подавляются нашими понятиями о нравственности, если, конечно, они вообще достигают нашего сознания. Большинство фантазий такого рода (и это заложено в природе вещей) ни в какой форме не попадают в наше сознание, и по меньшей мере очень маловероятно, чтобы они когда-либо были осознаны и осознанно подавлялись. Скорее они присутствовали с самого начала или, по крайней мере, возникли в бессознательном и просуществовали в нем до того момента, когда вмешательство психолога дало им возможность проникнуть в сознание. Активация бессознательных фан-тазий представляет собой процесс, протекающий в момент смятения сознания. Если бы это было не так, то возникновение фантазий было бы нормальным явлением, и за ним по пятам не следовали бы неврозы. В реальности, фан-тазии этого рода принадлежат к миру детства и становятся причиной смятения только в том случае, когда ненормальные условия осознанной жизни приводят к их преждевременному усилению. Вероятность такого развития событий особенно велика в том случае, когда неблагоприятное влияние оказывают родители, отравляя атмосферу и порождая конфликты, нарушающие психическое равновесие ребенка.

Когда взрослого человека начинается невроз, на поверхность вновь всплывают мир детских фантазий и возникает искушение дать неврозу причинное объяснение, связав его с присутствием детских фантазий. Но это не объясняет, почему фантазии не оказывали

никакого патологического действия в промежуточный период. Они оказывают такое воздействие только тогда, когда индивид сталкивается с ситуацией, которую он не может разрешить с помощью сознания. Вытекающий из этого застой в развитии личности открывает шлюз для детских фантазий, которые, разумеется, дремлют в каждом человеке, но не проявляют никакой активности до тех пор, пока осознающая личность беспрепятственно движется по намеченному пути. Когда фантазии достигают определенного уровня интенсивности, они начинают прорываться в сознание и создают конфликтную ситуацию, которая становится ощутимой для самого пациента, поскольку его личность разделяется на две личности с разными характерами. Однако это раздвоение личности было уже давно подготовлено в бессознательном, когда вытекающая (по причине неиспользуемости) из сознания энергия усилила отрицательные качества бессознательного и, в особенности, инфантильные черты личности.

Поскольку, по сути, нормальные фантазии ребенка являются ничем иным, как воображением инстинктов, и потому могут считаться тренировкой будущего использования сознания, это означает, что сердцевиной фантазий невротика, хотя и подвергшихся патологическим изменениям и, возможно, извращенных в результате регресса энергии, является нормальный инстинкт, отличительной чертой которого является приспособляемость. Невроз всегда предполагает искажение и неприспособленность нормальной динамики и соответствующей ей "воображения". Инстинкты, однако, чрезвычайно консервативны и древни, это касается как их динамики, так и формы. Для разума их формой является образ, который визуальное и конкретно, словно картина, выражает природу инстинктивного импульса. Если бы мы могли заглянуть в психе, например, бабочки "юкка" (Это классический пример симбиоза насекомого и растения. - Прим. Юнга), то мы бы обнаружили в ней схему идей сверхъестественного или завораживающего характера, которые не только принуждают бабочку осуществлять свою оплодотворяющую деятельность на растении "юкка", но и помогают ей "понять" общую ситуацию. Инстинкт является чем угодно, но только не слепым неопределенным импульсом, поскольку он настроен на определенную внешнюю ситуацию и приспособлен к ней. Это последнее обстоятельство придает ему специфическую и неизменную форму. Инстинкт изначален и наследственен, его форма тоже извечна, так сказать, архетипична. Она даже старше и консервативнее формы тела.

Эти биологические размышления, естественно, в равной степени относятся и к Homo sapiens, который, по-прежнему, находится в рамках общей биологии, несмотря на то, что обладает сознанием, волей и разумом. Тот факт, что корни деятельности нашего сознания уходят в инстинкт, от которого сознание получает свою динамику и основные черты своих представлений о воспринимаемых непосредственно предметах, имеет такое же значение для человеческой психологии, как и для психологии всех остальных членов царства животных. Человеческое знание состоит, прежде всего, из постоянной адаптации первичных систем идей, которые даются нам а priori. Они нуждаются в определенных модификациях, потому что их первоначальная форма годится для архаического образа жизни, но не отвечает требованиям специфически дифференцированного окружения. Если мы хотим сохранить приток инстинктивного динамизма в нашу жизнь, а это абсолютно необходимо для нашего существования, то мы обязаны преобразовать эти архетипические формы в идеи, соответствующие требованиям современности.

5. Философский и психологический подход к жизни

Однако наши идеи имеют печальную, но неизбежную тенденцию не поспевать за изменениями в общей ситуации. Иначе быть и не может, потому что до тех пор, пока в мире ничего не меняется, они остаются более-менее приспособленными и, следовательно, функционируют вполне удовлетворительно. Значит, у них нет никакой убедительной причины меняться и заново приспособляться. Только после того, как условия

изменятся настолько кардинально, что возникнет невыносимый раскол между внешней ситуацией и нашими идеями, теперь уже устаревшими, возникает общая проблема нашего мировоззрения или философии жизни, а вместе с ней встает вопрос о том, каким образом могут быть переориентированы или заново приспособлены первичные образы, которые поддерживают поток инстинктивной энергии. Их нельзя просто заменить новой рациональной формой, потому что она в слишком большой степени была бы определена внешней ситуацией, а не биологическими потребностями человека. Более того, она не только не перебросила бы мост к первоначальному человеку, но и заблокировала бы подход к нему. Это вполне соответствует целям марксистско-го образования, которое, подобно самому Богу, стремится создать нового человека, но уже по образу и подобию Государства.

Сегодня, наши основные убеждения становятся все более рационалистическими. Наша философия уже не является образом жизни, как это было в античные времена; она превратилась в занятие исключительно для интеллектуалов и ученых. Наши абсолютистские религии с их архаичными ритуалами и концепциями - самими по себе вполне оправданными - выражают видение мира, понять которое не составляло труда человеку Средневековья, но которое для современного человека стало чужим и не поддающимся пониманию. Несмотря на конфликт с современным научным представлением о мире, глубоко сидящий инстинкт заставляет человека цепляться за идеи, которые, если их понимать буквально, принуждают его не принимать в расчет все достижения разума последних пяти столетий. Явно преследуется цель не допустить его падения в бездну нигилистического отчаяния. Но даже когда он, как рационалист, считает своим долгом критиковать абсолютистскую религию, как буквальную, ограниченную и устаревшую, он не должен ни на минуту забывать, что она провозглашает доктрину, символы которой, хоть их толкование и можно подвергать сомнению, тем не менее живут своей собственной жизнью в силу их архетипического характера. Следовательно, интеллектуальное понимание ни в коей мере не является заменимым во всех случаях, и к нему прибегают только тогда, когда чувства и интуиция не могут дать достаточно точной оценки, то есть в случае с людьми, для которых наиболее убедительным является вердикт интеллекта.

Ничего более характерного и симптоматичного в этом отношении, чем пропасть, пролегающая между верой и знанием. Контраст стал таким резким, что невольно приходится говорить о несоизмеримости этих двух категорий и их представлений о мире. И все же они обе относятся к одному и тому же эмпирическому миру, в котором мы живем, потому что даже теологи говорят нам, что вера поддерживается фактами, которые стали исторически ощутимыми в нашем познанном мире - а именно, что Христос был рожден как реальное человеческое существо, сотворил много чудес, выстрадал свою судьбу, был умерщвлен по приказу Понтия Пилата и восстал во плоти после смерти. Теология отбрасывает любые попытки воспринять содержащиеся в ее самых первых книгах рассказы, как перенесенные на бумагу мифы и, соответственно, понять их символически. И действительно, теологами недавно попытались - несомненно, в качестве уступки "знанию" - "демифологизировать" предмет их веры, абсолютно произвольно соединяя одной линией узловые точки. Но критически настроенный интеллект слишком хорошо понимает, что миф является неотъемлемым компонентом всех религий и, стало быть, не может быть изъят из догматов веры без всякого для них ущерба.

Разлад между верой и знанием является симптомом раскола в сознании, который так характерен для царящего сейчас смятения умов. Словно два разных человека говорят об одной и той же вещи, каждый со своей точки зрения, или словно один человек, пребывающий одновременно в двух разных состояниях ума, набрасывает картину своих ощущений. Если вместо "человек" мы скажем "современное общество", то станет ясно, что последнее страдает раздвоением разума, то есть неврозом. В такой ситуации дела не пойдут лучше, если одна часть будет упорно тянуть вправо, а другая - влево. Именно это и происходит в каждой невротической психе, вызывая у нее глубокое беспокойство, которое и приводит больного к аналитику.

Какая уже очень кратко сказал выше - не упуская при этом определенные практические детали, отсутствие ко-торых могло бы озадачить читателя - аналитик должен установить отношения с обеими половинами личности своего пациента, потому что цельного и полного человека он может получить только путем соединения двух этих половин, а не путем подавления одной половины в пользу другой. Именно этим подавлением и занимается пациент, поскольку современное мировоззрение не оставляет ему другого выбора. В принципе, его индивидуальная ситуация ничем не отличается от коллективной ситуации.

Он является социальным микрокосмом, отражающим в малом масштабе качества всего общества, или же, наоборот, мельчайшей социальной единицей, куммулятивно создающей коллективное раздвоение. Последняя возможность представляется более вероятной, поскольку единственным непосредственным и конкретным носителем жизни является индивидуальная личность, в то время как общество и Государство являются обычными идеями и могут претендовать на реальность только в той степени, в какой они представлены конгломератом индивидов.

Крайне мало внимания было уделено тому факту, что, при всей нашей нерелигиозности, отличительная черта христианской эпохи, ее высшее достижение, - высшая власть слова. Логоса, который является центральной фигурой нашей христианской веры - стал врожденным пороком нашего века. Слово в буквальном смысле стало нашим богом; таковым остается, даже для тех, кто о христианстве знает только понаслышке. Слова типа "Общество" и "Государство" настолько конкретизировались, что стали почти-что персонифицированными. По мнению рядового человека, "Государство" куда больше, чем любой самодержец в истории, является неистощимым источником всего добра; к "Государству" взывают, на него возлагают ответственность, его критикуют и так далее и тому подобное. Общество возведено в ранг высшего этического принципа; ему даже приписывают истинные творческие способности. Никто, похоже, не замечает, что это поклонение слову, которое было необходимо на определенном этапе умственного развития человека, имеет очень опасную темную сторону. Я хочу сказать, что в тот момент, когда слово, в результате нескольких веков развития образования, приобретает подлежащую сомнению универсальную истинность, оно рвет свою первоначальную связь с божественной Личностью. Тогда возникает персонифицированная Церковь, персонифицированное Государство; вера в слово становится доверчивостью, а само слово - дьявольским лозунгом, способным на любой обман. За доверчивостью по пятам следуют пропаганда и реклама, призванные сделать гражданина жертвой политических махинаций и компромиссов. В настоящее время ложь приобретает доселе невиданный в истории человечества размах.

Итак, слово, первоначально провозглашавшее единство всех людей и их единение в фигуре одного великого Человека, в наше время стало источником подозрительности и недоверия всех по отношению ко всем. Доверчивость является одним из наших злейших врагов, но именно к этому средству всегда прибегает невротик, когда хочет заглушить звучащий внутри него самый голос сомнения или убедить себя, что этого голоса нет вовсе. Люди думают, что достаточно всего-лишь сказать человеку, что он "должен" сделать что-либо, чтобы наставить его на путь истинный. Но вот в чем вопрос: сможет ли или захочет ли он это делать? Психологу следует понять, что разговорами, убеждением, увещанием и добрыми советами ничего достигнуть нельзя. Он должен ознакомиться со всеми деталями и по-настоящему узнать психический "инвентарь" своего пациента. Следовательно, он должен установить связь с индивидуальностью больного и наощупь пробраться во все закоулки его разума, на что совершенно неспособны ни учитель, ни даже *directeur de conscience* (Духовный наставник, нравственный руководитель (фр.) - Прим. ред.). Его научная объективность, которая ничего не оставляет без внимания, дает ему возможность посмотреть на своего пациента не только как на человеческое существо, но и как на антропода, который, подобно животному, связан со своим телом. Его подготовка выводит

его интересы за пределы осознающей личности в мир бессознательного инстинкта, в котором господствуют половое влечение и жажда власти (или самоутверждения), соответствующие сформулированным святым Августином двум нравственным концепциям-близнецам: *concupiscentia* (Вожделение (лат.) - Прим. ред.) и *superbia* (Высокомерие, гордость (лат.) - Прим. ред.). Столкновение между этими двумя фундаментальными инстинктами (сохранение вида и самосохранение) является источником многочисленных конфликтов. Следовательно, эти инстинкты являются главным объектом нравственной оценки, цель которой заключается в том, чтобы максимум предотвратить столкновение между ними.

Какая уже объяснял выше, у инстинкта есть два основных аспекта: с одной стороны, динамика и принуждение, с другой - специфическое значение и намерение. Вполне вероятно, что инстинкты лежат в основе всех психических функций человека, что явно наблюдается в случае с животными. Не составляет труда заметить, что у животных инстинкт действует, как *Spiritus rector* (Животворное начало, побудительная сила (лат.) - Прим. ред.) всего поведения. Эта определенность начинает ослабевать только с началом развития способности к обучению, как в случае с наиболее высокоразвитыми обезьянами и человеком. У животных, в результате функционирования способности к обучению, инстинкт подвергается многочисленным модификациям дифференциациям, а у цивилизованного человека инстинкты настолько "изрублены", что с определенной уверенностью можно распознать изначальную форму только нескольких самых основных. Наиболее важными являются два вышеупомянутых инстинкта и их производные, и до сих пор они входили в сферу интересов исключительно медицинской психологии. Но исследователи, проследивая мутации инстинктов, натолкнулись на формы, которые нельзя уверенно отнести ни к одной из групп. Приведу всего лишь один пример: Первооткрыватель инстинкта власти поднял вопрос о том, не может ли несомненное проявление полового инстинкта быть более точно объяснено, как "силовое урегулирование", и сам Фрейд посчитал своим долгом признать существование наряду с всемогущим половым инстинктом "эго инстинктов" - явная уступка Адлеру. Принимая во внимание эту неопределенность, вряд ли стоит удивляться тому, что в большинстве случаев невротические симптомы могут быть объяснены категориями как той, так и другой теории. Эта запутанность не означает ошибочность одной либо обеих этих теорий. Они, скорее, относительно верны и, в отличие от некоторых односторонних догматических концепций, допускают существование и соперничество еще и других инстинктов. Хотя, как я уже сказал, вопрос человеческих инстинктов - далеко не простое дело, мы, скорее всего, не ошибемся, если предположим, что способность к обучению, почти исключительно человеческое качество, основана на наблюдающемся у животных инстинкте подражания.

Этому инстинкту, по самой его природе, свойственно активизировать деятельность других инстинктов и, в конце концов, модернизировать их, в чем можно убедиться на примере пения птиц, когда они усваивают другие мелодии.

Ничто не отрывает человека от фундамента его инстинктов с такой силой, как его способность к обучению, которая превращается в истинную жажду постоянных трансформаций стилей человеческого поведения. Эта способность, более, чем что-либо другое, несет ответственность за изменение условий его существования и за потребность приспосабливаться к последствиям развития цивилизации. Она также является главнейшим источником этих многочисленных психических проблем нарушений, которые вызваны все более углубляющимся отчуждением человека от его инстинктивной основы, то есть потерей корней и отождествлением с осознанным знанием самого себя, усилением внимания к сознанию за счет ослабления внимания к бессознательному. В результате современный человек знает самого себя только в той степени, в какой он может себя осознать - способность, в значительной мере зависящая от окружения, знание и контролирование которого принудили или навели на определенные модификации его изначальных инстинктивных тенденций. Следовательно, его сознание ориентируется, в основном, на изучение

окружающего его мира, к особенностям которого он и должен приспособлять свои психические и технические ресурсы. Задача эта настолько сложная, а ее решение сулит такие большие выгоды, что в ходе этого процесса человек забывает о самом себе, теряя из виду свою инстинктивную природу и заменяя свою истинную сущность придуманной им концепцией самого себя. В результате чего он незаметно соскальзывает в чисто концептуальный мир, в котором результат деятельности его сознания все больше вытесняет реальность.

Отчужденность цивилизованного человека от своей инстинктивной природы неизбежно погружает его в конфликт между сознанием и бессознательным, духом и природой, знанием и верой. Этот раскол становился патологическим в тот момент, когда сознание человека уже не может подавлять его инстинктивную сторону или не обращать на нее внимания. Скопление индивидов, вошедших в такое критическое состояние, дает толчок массовому движению, целью которого является защита угнетенных. В силу преобладающей в сознании тенденции искать источник всех бед во внешнем мире, люди все громче требуют политических и общественных перемен, которые, как они полагают, автоматически разрешат гораздо более глубокую проблему удвоения личности. Однако, когда требования выполняются, возникают политические и общественные условия, в которых вновь возникают те же самые болезни, хотя и в измененной форме. Все просто становится с ног на голову: низ становится верхом и тень занимает место света, а поскольку тень всегда анархична и беспокойна, то свободу "освобожденного" бедняги следует подвергнуть драконовским ограничениям. Клин клином вышибают. Все это неизбежно, поскольку корень зла остается не выкорчеванным, а имеет место обычная смена полюсов.

Коммунистическая революция опустила человека гораздо ниже, чем демократическая коллективная психология, потому что она отняла у него не только политическую, но и нравственную, и духовную свободу. Помимо политических сложностей, Запад в этой ситуации находится в очень невыгодном психологическом положении, что он уже почувствовал на своей шкуре в дни существования германского нацизма: сейчас мы имеем возможность указывать пальцем на тень, германский нацизм явно находится по другую сторону политической границы, в то время как мы находимся на стороне добра и гордимся верой в правильные идеалы. Разве хорошо известный государственный деятель недавно не заявил, что "у него не хватило бы воображения для того, чтобы совершить злой поступок"? (С тех пор, как были написаны эти слова, тень добилась чрезвычайной яркого воплощения, мчась с парашютным десантом к Суэцу. Прим. К.Г. Юнга) От имени большинства он выразил тот факт, что западный человек рискует потерять свою собственную тень, рискует отождествить себя со своей вымышленной личностью, а мир - с абстрактной картиной, нарисованной рационалистами-учеными. Его духовный и нравственный оппонент, который так же реален, как и он сам, живет уже не у него в груди, а за географической границей, которая теперь представляет уже не внешний политический барьер, а все более угрожающую стену, отделяющую сознание человека от его бессознательного. Мышление и чувство утрачивают свою внутреннюю полноту, а там, где религиозная ориентация стала неэффективной, уже даже бог не может сдерживать властную поступь сорвавшихся с цепи психических функций.

Нашу рациональную философию не интересует, согласен ли с нашими осознанными планами и намерениями тот живущий внутри нас человек, которого мы уничижительно называем "тенью". Она явно до сих пор не знает, что мы носим в себе реальную тень, существование которой основано на нашей инстинктивной природе. Никто не может безнаказанно пренебрегать ни динамикой, ни образностью инстинктов. Насилие над инстинктом или пренебрежение к нему имеют весьма болезненные последствия физиологического и психологического свойства, ликвидировать которые следует, прежде всего, с помощью врача.

Уже в течение более чем пятидесяти лет мы знаем или могли бы знать о существовании бессознательного противовеса сознанию. Медицинская психология представила все необходимые эмпирические и экспериментальные доказательства этого.

Существует бессознательная психическая реальность, которая вполне ощутимо воздействует на сознание и его содержание. Все это известно, но из этого факта не сделано никаких практических выводов. Мы по-прежнему продолжаем думать и действовать, как прежде, словно мы являемся simplex, а не duplex. Соответственно, мы воображаем себя безобидными, разумными и человечными. Нам не приходит в голову подвергнуть сомнению наши мотивы или просить себя, что думает внутренний человек о том, чем мы занимаемся во внешнем мире. Между тем, пренебрежительное отношение к реакции и точке зрения бессознательного легкомысленно, поверхностно, неразумно и психически негигиенично. Можно презрительно относиться к своему желудку или сердцу, но это не спасет весь организм от последствий переизбытка или переутомления. Но мы считаем, что от психических ошибок их последствий можно избежать с помощью простых слов, поскольку для большинства людей "психика" - это даже меньше, чем пустой звук. Тем не менее, никто не может отрицать, что без психики мира вообще не существовало бы, не говоря уже о мире людей. Буквально все зависит от человеческой психики и ее функций. Она заслуживает самого пристального нашего внимания, и особенно сегодня, когда все признают, что будущее человечества зависит не от угрозы со стороны диких животных, не от природных катаклизмов, не от эпидемий, а исключительно от перемен в психике человека. Достаточно почти незаметного нарушения психического равновесия в головах нескольких правителей, чтобы мир был залит кровью, охвачен пламенем, покрыт радиоактивными осадками. Обе стороны располагают необходимыми для этого техническими средствами. И определенные осознанные намерения, не контролируемые никаким внутренним оппонентом, слишком легко могут быть претворены в жизнь, в чем мы уже имели возможность убедиться на примере одного "вождя". Сознание современного человека по-прежнему настолько цепляется за внешние объекты, что он возлагает на них всю ответственность, словно его решение зависит от них. То, что психическое состояние определенных индивидов может даже освободить себя от поведения объектов, слишком редко приходит кому-либо в голову, хотя иррациональности такого рода наблюдаются каждый день и могут приключиться с кем угодно.

Печальное состояние сознания в нашем мире происходит, прежде всего, из утраты инстинкта, и причина этого кроется в развитии на протяжении последнего тысячелетия человеческого разума. Чем больше человек подчиняет себе природу, тем сильнее его знания и навыки ударяют ему в голову и тем глубже становится его презрение к обычным природным случайным явлениям, ко всем иррациональным данным - в том числе и к объективной психике, которая является всем, чем не является сознание. В противоположность субъективизму осознующего разума, бессознательное - объективно, и проявляется, по большей части, в форме противоречивых чувств, фантазий, эмоций, импульсов и сновидений, которые создает не человек, сам являющийся объектом их вторжения. Даже в наше время психология по-прежнему в значительной степени является наукой о содержимом сознания, измеряемого, насколько это возможно, коллективными стандартами. Индивидуальная психика стала простой случайностью, маргинальным феноменом, в то время, как бессознательное, которое может проявиться только в реальном, "иррациональном данном" человеческом существе, полностью игнорируется. И это не результат небрежности или нехватки знаний, а откровенное сопротивление признанию самой возможности существования наряду с эго второго психического авторитета. Когда самодержавность эго подвергается сомнению, это рассматривается, как прямая ему угроза. С другой стороны, религиозный человек привык к мысли, что он не является единственным хозяином в доме. Он верит в то, что последнее слово остается за Богом, а не за ним. Но сколько людей рискнет все предоставить воле Божьей, и кто из нас не почувствует смущения, если ему придется сказать, в какой степени его решение было продиктовано ему Богом?

Религиозный человек, насколько можно об этом судить, подвергается непосредственному воздействию реакции бессознательного. Как правило, он называет это действием сознания. Но поскольку та же самая психическая основа порождает

реакции, отличные от нравственных, то верующий мерит свое сознание традиционными (стало быть, коллективными) этическими нормами, в чем его активно поддерживает Церковь. До тех пор, пока индивид может крепко держаться за свои традиционные верования, а время, в которое он живет, не требует более пристального внимания к индивидуальной автономии, его положение может вполне его удовлетворять. Но положение резко меняется, когда суетный чело-век, ориентированный на внешние факторы и утративший религиозные убеждения, появляется en masse, что мы можем наблюдать в настоящее время. В этом случае, верующий вынужден защищаться и пересмотреть основные принципы своей веры. Его уже не поддерживает впечатляющая сила consensus omnium (Общее согласие (лат.) - Прим. ред.) и он очень хорошо видит слабость Церкви и ненадежность его догм. В качестве протеста Церковь рекомендует больше веры, словно эта благодать зависит от доброй воли и удовольствия человека. Но трон веры является не осознанное, а спонтанное религиозное ощущение, которое устанавливает непосредственную связь веры индивида с Богом.

Здесь каждый из нас должен спросить: "Были ли у меня хоть какие-то религиозные ощущения и непосредственная связь с Богом, которые дают мне уверенность в том, что я, как индивид, сумею раствориться в толпе?"

6. Познание себя

На это вопрос дать положительный ответ можно только тогда, когда индивид хочет подчиниться строгим требованиям изучения и познания себя. Если он выполняет эти требования, он не только узнает определенные важные истины о самом себе, но и получает психологическое преимущество: он сможет убедить в том, что достоин серьезного внимания и сочувствия. Он будет готов провозгласить свое человеческое достоинство и сделать первый шаг по направлению к основам своего сознания - то есть, к бессознательному, единственному источнику религиозного ощущения. При этом я никак не хочу сказать, что бессознательное тождественно Богу или может послужить ему заменой. Просто оно является средой, из которой возникают религиозные ощущения. Что же касается причины этих ощущений, то ответ на этот вопрос находится далеко за пределами человеческого знания. Познание Бога - это трансцендентальная проблема.

Религиозный человек находится в гораздо более выгодном положении, когда речь заходит об ответе на коренной вопрос, дамокловым мечом висящий над нашим временем: он имеет ясное представление о том, каким образом его субъективное существование строится на его связи с "Богом". Я взял слово "Бог" в кавычки для того, чтобы показать, что мы имеем дело с антропоморфической идеей, динамика и символизм которой просачиваются сквозь слой бессознательной психе. Любой человек, который того хочет, может по крайней мере приблизиться к источнику этих ощущений, вне зависимости от того, верит он в Бога или нет. Только в очень редких случаях, вроде происшествия с Павлом в Дамаске, волшебные превращения происходят без этого контакта. Существование религиозного ощущения больше не нуждается ни в каких доказательствах. Но всегда будут иметь место сомнения насчет того, является ли то, что метафизика и теология называют Богом или богами, истинной основой этих ощущений. Собственно, и сам вопрос, и ответ на него не имеют никакого смысла по причине субъективно подавляющей сверхъестественности ощущения. Любой испытывавший его человек был им захвачен, потому не может предаваться бесплодным метафизическим или гносеологическим размышлениям. Абсолютная уверенность сама по себе является доказательством, не нуждается ни в каких антропоморфических обоснованиях.

Принимая во внимание общее невежество в психологии и предубежденное к ней отношение, следует считать просто невезением тот факт, что источник единственного ощущения, которое придает смысл индивидуальному существованию, находится в среде, повсеместно вызывающей возражения. Вновь слышны сомнения: "Может ли что-то доброе выйти из Назарета?" (См. Иоанн, 1:46. Прим. ред.) Бессознательное, даже если его не считают чем-то вроде расположенного под осознанием разумом мусорного ведра, в

любом случае воспринимается, как "обычная животная природа". Однако, в реальности и по определению оно обладает неизвестными размерами и содержанием, так что его переоценка или недооценка не имеют никакого смысла и могут быть отброшены, как обычные предубеждения. Такие суждения бессознательно особенно странно слышать от христиан. Господь которых сам родился в яслях на соломе, в окружении домашних животных. Толпе больше бы пришлось по вкусу, если бы он родился в храме. Приземленный человек толпы ищет сверхъестественное ощущение на массовом сборище, которое представляет собой несравненно более впечатляющий фон, чем индивидуальная душа. Жертвами этой пагубной иллюзии являются даже стойкие приверженцы христианской Церкви.

Настойчивое требование психологов в важности бессознательных процессов для религиозного ощущения крайне непопулярно, как в правом, так и в левом политических лагерях. Для правых решающим фактором является историческое откровение, пришедшее к человеку извне; левые считают это совершенной глупостью и утверждают, что у человека вообще нет никаких религиозных функций, за исключением веры в партийную доктрину, когда неожиданно возникает потребность в самой отчаянной вере. В довершение всего, различные вероисповедания провозглашают совершенно разные вещи, и каждое из них претендует на обладание абсолютной истиной. И все же сегодня мы живем в едином мире, в котором расстояния измеряются по большей части часами, и не более, чем неделями или месяцами. Экзотические народы перестали быть экспонатами для этнологического музея. Они стали нашими соседями и то, что вчера было личным увлечением этнолога, сегодня является политической, социальной и психологической проблемой. Уже началось взаимопроникновение идеологических сфер, и возможно не за горами то время, когда остро встанет вопрос взаимопонимания. Быть понятым абсолютно невозможно без глубокого понимания точки зрения другого человека. Необходимое для этого озарение будет иметь последствия для обеих сторон. История обязательно пройдет мимо тех, кто считает своим призванием сопротивление этому неизбежному развитию ситуации, каким бы желанным и психо-логическим необходимым не было сохранение всего существенного и хорошего, что есть в нашей традиции. Несмотря на все различия, единение человечества просто неизбежно. На эту карту марксистская доктрина поставила свою жизнь, в то время, как Запад пытается достичь своей цели с помощью технологии и экономической поддержки. Коммунизм не упустил из виду огромное значение идеологического фактора и универсальности основных принципов. Идеологическая слабость цветных рас ничем не отличается от нашей, и в этом смысле они также уязвимы, как и мы.

За недооценку психологического фактора, скорее всего, придется горько поплатиться. А потому сейчас самое время нам заняться этим вопросом. Но пока что это остается благим пожеланием, потому что самопознание, помимо своей чрезвычайно непопулярности, еще и представляется неприятно идеалистической целью, является предельно нравственной вещью и сосредоточено на психологической тени, существование которой, как правило, отрицается или, по крайней мере, не упоминается. Стоящая перед нашим веком задача отличается по истине неодолимой сложностью. Она требует от нас высочайшей ответственности, если только мы не хотим стать виновниками очередного *trahison des clercs* (Предательство интеллектуалов, клириков (фр.) - Прим.ред.). Решение этой задачи - это прерогатива тех ведущих и влиятельных личностей, которые обладают необходимым знанием для понимания сложившейся в нашем мире ситуации. По идее, эти люди должны прислушаться к голосу разума. Но поскольку речь в данном случае идет не только об умственном понимании, но и о нравственных выводах, то, к сожалению, у нас есть мало оснований для оптимизма. Природа, как известно, не настолько щедра, чтобы мудрости присовокупить еще и доброту. Как правило, где есть одно, там нет другого, и одна способность достигает совершенства за счет других. Несовпадение между интеллектом и чувством, которые в самые благоприятные времена мешают друг другу, является наиболее печальной главой в истории человеческой психе.

Нет никакого смысла пытаться сформулировать задачу, которую наш век помимо

нашей воли предъявил нам, как нравственное требование. В лучшем случае, мы можем просто сделать психологическую ситуацию, в которой оказался мир, настолько ясной, что в ней сможет разобраться даже слепой, и прокричать необходимые слова так громко, что их услышит даже глухой. Мы можем рассчитывать на понимающих людей и на людей доброй воли, и не должны уставать повторять необходимые мысли и пояснения. В конце концов, распространяться может не только милая сердцу толпа ложь, но и истина.

Этимисловами я хотел бы привлечь внимание читателя к основной трудности, с которой ему придется столкнуться. Ужасы, которым подвергли человечество современные диктаторские Государства, есть нечто иное, как кульминация всех тех жестокостей, виновниками которых были не такие уж далекие наши предки. Помимо всего того варварства и кровопролития, в которых христианские народы провинились друг перед другом на протяжении всей европейской истории, европейцы также должны ответить за все те преступления, которые они совершили по отношению к цветным народам в ходе процесса колонизации. В этом смысле белый человек действительно несет очень большое бремя. Оно является собой картину обычной человеческой "тени", которую вряд ли можно нарисовать более черными красками. Зло, которое проявляется в человеке и несомненно живет в нем, обладает гигантскими размерами, так что разговоры Церкви о первородном грехе, источником которого является относительно невинное приключение Адама с Евой, - это почти эфемеризм. Дело обстоит гораздо хуже и его серьезность страшно недооценивается.

Поскольку повсеместно распространено убеждение, что человек - это просто то, что его сознание знает о себе самом, человек считает себя таким же безвредным, добавляя, тем самым, к своей греховности еще и глупость. Он не отрицает, что ужасные вещи имели и продолжают иметь место, но их всегда совершают "другие". А если подобные деяния относятся к недавнему или далекому прошлому, то они очень быстро и к стати погружаются в море забвения, после чего возвращается то состояние хронической неясности мышления, которое мы называем "нормальностью". Потрясающим контрастом этому является тот факт, что ничто не проходит бесследно и ничто не исправляется. Зло, вина, угрызения совести, мрачные предчувствия находятся перед нами, только мы их не видим. Все это совершил человек; я - человек и моя природа есть часть человеческой природы; стало быть, я виновен также, как и все остальные, и несу в себе неизменившиеся и неистребимые способность и склонность в любое время совершать греховные поступки. Даже если с юридической точки зрения мы не можем быть признаны правонарушителями, мы все равно, в силу нашей человеческой природы, всегда являемся потенциальными преступниками. Просто в реальной жизни нам неподворачивается возможность быть тенью в компании дьявола. Никому из нас не дано вырваться из черной коллективной тени. Когда бы не произошло преступление - много веков тому назад или в наши дни, оно является симптомом всегда и повсюду присутствующего настроения - а потому человеку действительно следует обладать "представлениями о зле", поскольку только дурак может не обращать никакого внимания на свойства своей природы. Более того, его невежество - это самый верный способ превращения его в орудие зла. Безвредность и наивность не помогут, как не помогут они больному холерой и находящимся поблизости от него людям, если они ничего не будут знать о заразности этой болезни. Напротив, безвредность и наивность приведут к проекции неопознанного зла в "другого". Это наиболее эффективный способ укрепить позицию противника, потому что проекция переносит страх, который мы невольно и тайно испытываем по отношению к нашему собственному злу, на другую сторону и в значительной степени увеличивает исходящую оттуда угрозу. И что еще хуже отсутствие у нас инсайта лишает нас способности общаться со злом. Здесь мы, разумеется, сталкиваемся с одним из основных предрассудков христианской традиции и одним из самых больших камней преткновения для наших политиков. Нам говорят, что мы должны "отойти от зла" и, по возможности, даже не упоминать о нем. Ибо зло является также дурным знаком, которого следует бояться и о котором нельзя говорить. Это суеверное отношение ко злу и обхождение

его стороны потворствуют имеющейся у нас примитивной склонности закрывать глаза на зло и надеяться на то, что какой-нибудь ветхозаветный "козел отпущения" унесет его на себе в пустыню.

Но если человек больше не может не понимать того, что зло, вне зависимости от воли человека, присуще самой человеческой природе, то с психологической точки зрения оно становится равным, хотя и противоположным, партнером добра. Это понимание прямо ведет к психологической дуальности, бессознательным прообразом которой является раскол мира по политическим мотивам. Еще более неосознанным является раздвоение современного человека. Дуальность не рождается из этого понимания; скорее всего, мы "расколоты" с самого начала. Мы не можем вынести самой мысли о том, что нам нужно взять на себя личную ответственность за такое количество зла. Поэтому мы предпочитаем приписывать зло отдельным преступникам или преступным группам, умывая руки невинностью и игнорируя общую располосованность козлу. Как показывает опыт, зло живет в человеке, а потому это ханжеское отношение к нему долго не продержится, если, в соответствии с христианской догмой, человек не захочет сформулировать метафизический принцип зла. Велико преимущество этой догмы заключается в том, что она освобождает совесть человека от слишком большой ответственности и навязывает эту ответственность дьяволу, на основании правильного с психологической точки зрения понимания того факта, что человек, скорее, является жертвой своей психики, чем ее творцом. Принимая во внимание, что современное зло наводит самую густую тень на все, что вечно мучило человечество, необходимо задать себе вопрос: каким образом, при нашем прогрессе в развитии системы правосудия, в медицине и технологии, при всей нашей заботе о здоровье и жизни, были созданы огромные машины истребления, которым ничего не стоит уничтожить человеческую расу.

Никто не станет утверждать, что физики-ядерщики являются бандой уголовников на том основании, что благодаря их усилиям мы имеем этот странный плод человеческой изобретательности - атомную бомбу.

Огромное количество умственного труда было потрачено на развитие ядерной физики людьми, которые отдали себя своей работе без остатка. Стало быть, высокие нравственные качества этих людей с тем же успехом могли подтолкнуть их на создание чего-то полезного и нужного человечеству. Но даже если первый шаг по пути к великому изобретению и может быть результатом осознанного решения, здесь, как и повсюду, спонтанная идея-интуиция - играет важную роль. Иными словами, бессознательное также принимает участие в процессе и зачастую вносит решающий вклад. Значит, результат - это не следствие исключительно осознанных усилий; на каком-то этапе бессознательное, с его трудно постижимыми целями и намерениями, тоже "вставило свои пять копеек". Если оно вкладывает оружие в вашу руку, значит оно нацелилось на какое-то насилие. Установление истины - главная задача науки, и если в этой погоне за светом мы сталкиваемся с огромной опасностью, то складывается ощущение скорее предопределенности, чем предумышленности. Нельзя сказать, что современный человек способен на большее зло, чем первобытный человек или человек античных времен. Он просто обладает несравненно более эффективными средствами воплощения в жизнь своей склонности творить зло. Его сознание расширило свои горизонты и дифференцировалось, а вот нравственная природа с места не сдвинулась. Это есть великая проблема современности. "Одного только разума уже не достаточно".

В теории, человеческий разум в силах удержаться от таких адских экспериментов, как деление ядра, исключительно по причине их опасности. Но страх зла, которое каждый человек никогда не замечает в себе, зато всегда видит в другом, каждый раз побеждает разум, хотя любому ясно, что применение этого оружия неизбежно означает конец человеческого мира в его нынешней форме. Страх перед всеобщим уничтожением может уберечь нас от наихудшего варианта, но его возможность будет, тем не менее, висеть над нами, подобно черному облаку, до тех пор, пока не будет переброшен мост

черезрасколовшую весь мир психическую и политическую пропасть. И мост этот должен быть таким же конкретным, как атомная бомба. Если бы только мировое сознание могло понять, что весь расколевается следствием разрыва между противоположностями в психе, то мы бы знали, откуда нам начинать. Но если даже самые незначительные и наиболее личные движения индивидуальной психе - сами по себе такие незаметные - останутся такими же неосознанными и неопознанными, какими они были доселе, то они будут продолжать накапливаться и образовывать массовые организации и массовые движения, которые нельзя будет поместить в разумные рамки и которыми нельзя будет манипулировать с благими намерениями. Все усилия в этом направлении есть ничто иное, как бой с тенью, причем больше всего во власти иллюзии находятся сами бойцы.

Суть дела кроется в дуальности самого человека, к которой у него нет ключа. Вместе с последними событиями мировой истории эта бездна разверзлась перед ним, после того, как человечество прожило несколько веков в очень уютной уверенности, что единый Бог создал человека по своему образу и подобию, как маленькое единство. Даже в наше время люди по большей части не осознают того факта, что каждый индивид является клеточкой структуры различных внешних организмов и потому причинно втянут в их конфликты. Он знает, что, как индивидуальное существо, более или менее незначителен и ощущает себя жертвой не контролируемых им сил, но, с другой стороны, в нем самом живет опасная тень-противник, невидимый помощник политическому монстру в его грязных махинациях. Политическая организация в силу самой своей природы всегда видит зло в противостоящей ей группе, точно так же, как индивид отличается неистребимой склонностью освобождаться от всего, чего он не знает и не хочет знать о себе самом, приписывая эти качества кому-то другому.

Ничто не оказывает такого сильного разъединяющего и отчуждающего воздействия на общество, как это нравственное благодушие и отсутствие ответственности, и ничто так не способствует пониманию и rapprochement (Возобновление дружественных отношений (фр.) - Прим. ред.), как взаимное устранение проекций. Эта необходимая корректировка требует самокритики, потому что никто не может сказать другому человеку, чтобы тот просто перестал проецировать. Человек не может понять лучше самого проецирующего то, чем на самом деле являются проекции этого человека. Мы можем разобраться в наших предубеждениях и иллюзиях только тогда, когда обречем более глубокие психологические знания о самих себе и других, и будем готовы поставить под сомнение абсолютную правильность наших утверждений и тщательно и честно сравнить их субъективными фактами. Как это ни смешно, но идея "самокритики" очень популярна в марксистских государствах. Но там она подчинена идеологическим соображениям должна служить Государству, а не истине и справедливости в отношениях между людьми. Государство масс не имеет никакого желания пропагандировать взаимопонимание и тесные связи между людьми; наоборот, оно жаждет дробления, психической изоляции индивида. Чем сильнее разобщенность индивидов, тем сплоченнее Государство и наоборот.

Не может быть никакого сомнения в том, что и при демократии расстояние между людьми значительно больше того, которое требуется для благополучия общества, не говоря уже об удовлетворении наших психических потребностей. Да, делаются всевозможные попытки сгладить кричащие контрасты нашего общества, в ходе которых раздаются призывы к идеализму, энтузиазму, нравственности и совести; но что характерно - никто не говорит о необходимости самокритики, ни один человек не хочет ответить на вопрос: Кто требует идеализма? Не тот ли это, случайно, человек, который перескакивает через свою тень, чтобы с усердием погрузиться в осуществление какой-нибудь идеалистической программы, участие в которой является для него желанным оправданием? Насколько его респектабельности и нравственности являются лишь обманчивой оболочкой под которой скрывается совсем другой мрачный мир? Мы должны прежде всего убедиться в том, что говорящий об идеалах человек сам является идеальным, что его слова и дела являются чем-то большим, чем они выглядят на первый взгляд.

Быть идеальным невозможно, стало быть, это требование невыполнимо. Поскольку у нас, как правило, хороший нюх на эти вещи, то большинство идеалов, которым нам предлагается следовать, выглядят довольно неубедительно и становятся приемлемыми только тогда, когда открыто признается существование их противоположности. Без этого противовеса идеал превосходит наши человеческие возможности и становится неправдоподобным из-за своей сухости и вырождается в обман, пусть даже и совершаемый с благими намерениями. Обман - это нечестный способ подчинить себе других людей и ни к чему хорошему привести не может.

С другой стороны, наличие тени ведет к скромности, которая нам нужна для признания своего несовершенства. Именно осознание несовершенства необходимо для установления отношений между людьми. Человеческие отношения строятся не на дифференциации и совершенстве, поскольку они только подчеркивают различия или приводят к прямо противоположному результату; нет, в их основе лежат несовершенство, слабость, беспомощность и потребность в поддержке, то есть те компоненты, из которых состоит основа зависимости. Совершенство ни в ком не нуждается, в отличие от слабости, которая ищет поддержки и не предлагает своему партнеру ничего такого, что могло бы поставить его в невыгодное положение или даже унижить. Но когда высокий идеализм играет слишком выдающуюся роль, то для такого унижения создаются все условия.

Рассуждения такого рода не следует воспринимать как проявление излишней сентиментальности. Вопрос отношений между людьми и внутренней сплоченности нашего общества стоит весьма остро, принимая во внимание отчужденность затравленного человека толпы, личные отношения которого подорваны общим недоверием. Везде, где правосудие сомнительно, полиция лезет в частную жизнь и процветает террор, человеческие существа оказываются в изоляции, которая, разумеется, является целью диктаторского Государства, поскольку его основу составляет максимально большое скопление лишенных всякого потенциала "единиц общества". Для борьбы с этой опасностью свободному обществу нужны узы страсти, принцип типа *caritas* (Любовь, вытекающая из глубокого уважения, почитания (лат.) Прим. ред.), христианской любви к ближнему своему. Но как раз именно эта любовь к своему обрату более всего отличается отсутствием понимания, вызванного проекцией. Стало быть, для свободного общества жизненно важно задуматься над человеческими взаимоотношениями с психологической точки зрения, потому что именно в них таится истинная его сплоченность, а значит и сила. Там, откуда уходит любовь, воцаряются грубая сила и террор.

Целью этих рассуждений является призыв не к идеализму, а к осознанию психологической ситуации. Я не знаю, какая из двух вещей слабее: идеализм или прозрение общественности. Я знаю только то, что для хоть сколько-нибудь жизнеспособных психических перемен требуется время. Медленное прозрение мне представляется более действенным, чем лихорадочный идеализм, которому вряд ли суждена долгая жизнь.

7. Смысл самопознания

То, что наш век считает "тенью" и худшей частью психе, содержит в себе нечто большее, чем обычный негатив. Уже сам факт того, что через самопознание, то есть изучение наших собственных душ, мы приходим к инстинктам и миру их образов, должен пролить определенный свет на дремлющие в психе силы, над существованием которых мы редко задумываемся до тех пор, пока все у нас идет хорошо. Они обладают чрезвычайно динамичным потенциалом, а то, приведет ли извержение этих сил и связанных с ними образов и идей к созиданию или к разрушению, полностью зависит от подготовленности и отношения осознующего разума. Похоже на то, что единственным, кто из своего опыта знает насколько слаба психическая подготовленность современного человека, является психолог, потому что только он считает своим долгом поиск в природе

самого человека тех сил и идей, которые раз за разом будут помогать ему найти верный путь среди тьмы и опасности. Для этой тяжелой работы психологу требуется все его терпение; он не может полагаться ни на какие традиционные заповеди, предоставляя другому человеку выполнять всю работу и удовлетворяясь легкой ролью советчика и критика. Любопытно известна тщетность проповедования желаемого, но общая беспомощность в этой ситуации настолько велика, а потребность настолько насущна, что человек предпочитает совершать старую ошибку, вместо того, чтобы напрягать мозги над решением субъективной проблемы. Кроме того, это всегда вопрос лечения одного индивида, а не десяти тысяч, хотя в последнем случае результаты труда были бы внешне гораздо более впечатляющими, несмотря на то, что ничего не произойдет, пока не изменится индивид.

Изменения во всех индивидах, которые нам хотелось бы увидеть, могут отсутствовать еще в течение не-скольких сотен лет, поскольку духовная трансформация человечества крайне медленно продвигается сквозь столетия и ее продвижение не может быть ускорено или остановлено посредством процесса рационального мышления, не говоря уже о том, чтобы довести его до конца при жизни одного поколения. Однако, в наших силах изменить индивидов, которые обладают от рождения или развили в себя способность воздействовать на других людей с похожим складом ума. Я не имею в виду проповедование или убеждение - я думаю, скорее, о хорошо известном факте: тот, кто предвидит свои действия, а значит имеет доступ к бессознательному, невольно оказывает воздействие на окружающих. Углубление и расширение его сознания создает эффект, который примитивные народы называют "мана". Имеется в виду невольное воздействие на бессознательное других людей, некий вид бессознательного престижа, который существует только до тех пор, пока не вмешивается осознанное намерение.

Нельзя сказать, что самопознание совсем лишено шансов на успех, поскольку существует фактор, который, хотя на него и не обращают никакого внимания, отчасти соответствует нашим ожиданиям. Этим фактором является бессознательный *Zeitgeist* (Дух времени (нем.) - Прим. ред.). Он компенсирует позицию осознующего разума и превосходит грядущие перемены. Прекрасным его примером является современное искусство: несмотря на то, что оно вроде бы относится к сфере эстетики, на самом деле выполняет задачу психологического просвещения общественности путем разрушения ее прежних эстетических взглядов на то, что красиво по форме и глубоко по содержанию. "Красивость" художественного произведения заменяется холодными абстракциями самого субъективного характера, которые резко захлопывают дверь перед носом наивного и романтического восхищения объектами обязательной любви к нему. Этот пример ясным и общедоступным языком говорит нам, что пророческий дух искусства на время повернулся от старой связи субъектом к темному хаосу субъективизма. Разумеется, искусство, насколько мы можем судить об этом, еще не нашло в этой тьме то, что могло бы удержать всех людей вместе и выразить их психическую целостность. Поскольку для этого явно требуются глубокие размышления, то это открытие наверняка будет совершено в других областях человеческой деятельности.

Великое искусство всегда черпало свое вдохновение из мифа, из бессознательного процесса символизации, который продолжается веками и, как первичное проявление человеческого духа, будет и в будущем оставаться корнем всего творчества. Развитие современного искусства с его вроде бы нигилистическим стремлением к дезинтеграции должно быть воспринято как симптом и символ настроения всеобщего уничтожения и обновления, которое стало приметой нашего века. Это настроение ощущается во всех сферах: политической, общественной, философской. Мы живем в *кайроз*, которое греки называли *kairos*, "верное мгновение" - для "метаморфозы богов", фундаментальных принципов символов. Эта особенность нашего времени, которое мы себе не выбирали, является выражением меняющегося бессознательного человека внутри нас. Грядущие поколения должны будут принять к сведению эту великую трансформацию, если человечество не

собирается уничтожить себя с помощью своих технологий и науки.

Как в начале христианской эры, так и сегодня мы снова стоим перед проблемой общей нравственной отсталости, которая неспешает за нашим научным, техническим общественным прогрессом. Слишком много поставлено на карту и слишком много зависит от психологического состояния современного человека. Способен ли он устоять перед искушением использовать свою силу для того, чтобы раздуть мировой пожар? Понимает ли он, по какому пути идет, и какие выводы следует сделать из нынешней ситуации в мире и его собственной психологической ситуации? Знает ли он, что находится на грани утраты сохраняющего жизнь мифа о внутреннем человеке, который христианство берегло для него? Понимает ли он, что его ждет, если эта катастрофа действительно произойдет? Способен ли он понять хотя бы то, что это действительно будет катастрофа? И, наконец, знает ли индивид, что он и есть та самая гиря, от которой зависит то, куда склонится чаша весов?

Счастье и удовлетворение, равновесие разума и смысл жизни - эти вещи может испытать только индивид, а не Государство, которое, с одной стороны, есть ни что иное, как соглашение, заключенное независимыми индивидами, а с другой стороны, постоянно угрожает парализовать и подавить индивида. Психиатр принадлежит к тем, кто больше всего знает об условиях благополучия души, от которого так сильно зависит благополучие общества. Социальные и политические обстоятельства времени не сомненно имеют большое значение, но их роль в радостях и бедах индивида гигантски преувеличена, поскольку они воспринимаются как единственные решающие факторы. В этом смысле всем нашим общественным устремлениям присуща общая ошибка - не принимается во внимание психология личности, во имя которой и совершается общественный прогресс, а также имеет место пропаганда иллюзий самой личности.

Поэтому я надеюсь, что психиатру, который посвятил всю свою жизнь причинам и последствиям нарушений психики, будет позволено выразить свое скромное, как и положено индивиду, мнение по вопросам, порожденным современным положением в мире. Я не сторонник чрезмерного оптимизма или любви к высоким идеалам, просто меня заботит судьба индивидуального человеческого существа - бесконечно малого звена, от которого зависит существование всего мира, и в котором, если мы правильно поймем смысл христианства, даже Бог видит свою цель.

Юнг К.-Г.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

